

Алексей Аверьянов

Девочка

18+

Алексей Аверьянов

Девочка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68843391

SelfPub; 2023

Аннотация

Прекрасная пара ссорится в метро, после которой девушка просыпается в незнакомом городе, а её жених стирается из реальности. Девушке не остаётся другого выбора как бросить вызов целому миру и доказывать мирозданию, что она готова бороться за ту жизнь, которую не ценила.

Содержание

От автора	5
Пролог	7
Глава I	10
Глава II	18
Глава III	30
Глава IV	48
Глава V	61
Глава VI	72
Глава VII	80
Глава VIII	97
Глава IX	108
Глава X	117
Эпилог	133

Алексей Аверьянов

Девочка

Книга посвящается Алине Л., моей первой жене.

От автора

Эта книга писалась очень долго: несмотря на сравнительно небольшой объём, написание заняло более двух лет, в связи с этим на протяжении всего текста я менялся вместе с моей героиней, так же как и изменялась манера изложения вслед за изменившимися взглядами. В основу положены пусть и искажённые, но всё же реальные события, так же как и приведённые вплоть до доскональности и щепетильности описания некоторых событий и чувств, которые были испытаны тогда. Пока писалась «Девочка», изменилась и жизнь её прототипов, я постарался отразить не только свои взгляды на суть вещей, но и мнение тех людей, чей характер я позаимствовал для описания. Собственно, название «Девочка» было первоначальным, рабочим, но спустя время сроднилось, сжилось с текстом, и теперь я уже и не представляю другого заглавия своему труду. Чтобы не скатываться в саморецензию, хочу закончить всё же такими словами: на мой, далеко не объективный, взгляд, эта книга может быть интересна и изменчивостью героини, и высказанными позициями, и пересмотром всего того, что происходило или может происходить в дальнейшем. Я очень надеюсь, что вам понравится мой скромный труд, затронет сердце и те проблемы, с которыми сталкивается героиня, и вы не станете осуждать те

методы и решения, которые она выбирает, чтобы выпутаться из сложившейся ситуации. Приятного прочтения, уважаемый читатель, моих скромных двадцати семи тысяч слов на пяти десятках страниц.

Примечание автора: за время написания были переименованы правоохранительные органы МВД – с милиции в полицию. Мной было принято решение не изменять в тексте названия, поэтому в одной из центральных глав присутствует старое название, а в заключительной – новое.

С уважением Алексей Аверьянов

Октябрь 2009 – январь 2012

Пролог

Вагон метро еле покачивался, в поздний час народу было не так много, но желающих полюбоваться на парочку влюблённых хватало. Парень и девушка, примерно одного возраста, сидели в обнимку и о чём-то бурно беседовали, яркая жестикуляция дамы была не столь богата, как завораживающая: её длинные пальцы рассекали воздух и привлекали внимание юноши, который яро доказывал обратное.

– Зай, неужели всё так плохо? – удивление молодого человека не знало предела. – Ведь есть что-то хорошее в твоей жизни?

– Есть! Но всё равно так всё надоело, – девушка стояла на своём и продолжала махать руками.

– Всё, наша, пойдём, – молодой человек встал и повёл за собой девушку. – Любимая, но всё так резко менять, это не дело, лучше искать хорошее, чем плохое.

– Ты прав, несомненно, прав, но я так устала от всей этой суеты, всё одно и то же. Понимаешь? – продолжала она, уже стоя у дверей.

Они вышли, и зеваки не услышали, чем закончился интересный, но довольно-таки заурядный разговор. Они удалились, а пожилая дама, повернувшись к соседу, слегка толкнула его, он неохотно повернул голову.

– А девушка-то красивая, но молода и не знает чего хочет.

Мужчина с недоумением посмотрел на бабуку и отвернулся.

– Хорошо, милоч, пусть по-твоему будет, – старушка перекрестила закрывающиеся двери, и поезд тронулся. – Всё-таки они любят друг друга, может, что и получится путное.

На следующей станции бабука вышла, и мастер подземки потащил пустеющий поезд дальше.

Что до нашей парочки, юноша, как честный джентльмен, проводил даму до двери её квартиры, получил заслуженный поцелуй и, прошептав очередную нежность на ушко возлюбленной, отправился домой. Путь его не был сложен или утомителен, как тяжёк одиночеством, которое всегда постигало его в такие минуты, когда дверь закрылась, а СМС с ответной нежностью ещё не пришло.

Его вторая половинка, закрыв дверь и разоблачившись от верхней одежды, положила лишние вещи в комнату, благо она была рядом с входом, и отправилась в душ, чего уже часа два как хотела, если не мечтала.

Забравшись под струи воды, она почувствовала, как вода смывает её усталость, но и бодрость не приходила, хотелось спать. Сон как-то сверхъестественно начинал овладевать, ей пришлось приподнимать голову так, чтобы вода потекла через ещё сухие волосы и не менее сухое лицо. О, это неописуемое чувство, которое испытывают настоящие грязнули и гурманы водных процедур, когда волосы приподнимаются и чуть ли не немеют кончики пальцев, но стоит только при-

выкнуть, как всё проходит. Зато сил прибавилось и хватило их как раз на то, чтобы взять знакомый шампунь и намылить волосы, непродолжительно помассировать и смыть, проделав всё это и быстро накинув полотенце. Девушка шагнула на пол и так и вышла. Полотенце было достаточно длинным, чтобы и согреть, и прикрыть тело юной леди. В комнате её уже ждало традиционное СМС от возлюбленного. Прочитав и представив, как он так ждёт ответа, ответ сам всплыл в голове.

Сон на удивление был ярким и странным, ей казалось, что чувства покидают её. Что тело болит и даже чешется, чешется, как в детстве, чесались ноги или руки, и было никак не заснуть, а мама говорит, что не волнуйся, деточка, ты растёшь. Это и было странно: ей было уже 18, и люди уже не так растут, чтобы ощущать это по ночам. Хотя чего только не присниться.

Глава I

Утро настало неожиданно. Хотя когда оно наступает иначе? Исключением можно принять бессонные ночи, когда что-то навязчиво мешает заснуть, но здесь всё было нормально. Легла, как положено, да и встала нормально, даже сон снился, часы над головой показывали 10 утра.

– Почему меня мама не разбудила? Почему будильник не сработал? И почему на мне нет одеяла?

Голова лопалась от вопросов. Встав, точнее, только приподнявшись, девушка рухнула обратно. Комната, в которой она была, не являлась её собственной и комнатой любимого тоже не была. В книжках люди пытаются щепать себя, колоть всякой дрянью, якобы дабы проснуться, но наша героиня во всё это не верила, просто не укладывалось в голове. Она подошла к окну.

– Занавеска моя, вид из окна нет. Ни черта не понимаю!

У неё начинался ужас, да какой там ужас, настоящая паника. На стене нашлось зеркало, которого там, разумеется, раньше не висело.

– Ага, внешне я.

«Значит, это или сон, или я у кого-то. Но у кого?» – вопросов становилось всё больше, а ответов, как водится, не одного.

«Ладно, посмотрим, что за дверью», – тихо, почти шёпо-

том пробормотала она и приоткрыла дверь. Вид не был ужасен, он был просто пугающим, в стиле сегодняшнего утра, то есть абсолютно не знаком. Дверь мгновенно была закрыта. Девушка села на кровать и стала вспоминать.

«Так, по порядку: вчера мы встречались с Лёшей, он проводил меня домой. Так, стоп, надо ему позвонить», – девушка взяла телефон и обнаружила, что телефон её, на лице появилась улыбка. Хоть что-то знакомое. Последнее СМС тоже оказалось старым, нажав зелёную кнопку, раздались гудки, через три или четыре гудка (руки тряслись, и было не до счёта) на том конце попробовали ответить, но Анечка грубо перебила:

– Алё, Лёш, где ты? Где я? Где ты меня вчера оставил?

Незнакомый голос прервал цепь вопросов.

– Девушка, вы, наверно, ошиблись номером, извините, – мобильник коротко пискнул 2 раза, и дисплей выписал конец разговора.

Проверив номер и нажав повтор, она приложила трубку к уху. Гудки, один, два. Взяли.

– Извините, а Алексей по этому номеру?

– Моего сына зовут Алексеем, а вы уверены, что вам нужен именно он?

– Я Анна, девушка Лёши.

– Девушка, простите, но у вас, наверно, неправильный номер, моему сыну 3 года. Ему, как мне кажется, рано для такого.

– Извините, наверно, у меня действительно цифра сбилась, – Аня повесила трубку. – До свидания, – добавила она, но уже было поздно.

Анечка вспоминала домашний минуты две и быстро набрала. Опять томительно долгие гудки.

«Там может быть его мать, но это не страшно, главное, чтобы телефон работал и кто-то был дома», – судорожно думала Анна, гудки, опять гудки, она уже собиралась давать отбой, как ответили.

– Алё! Лёша дома? – дрожащим голосом и с явным усилием выщедила она из себя.

– А, это опять вы, девушка, как давно вы знаете этого Алексея? – ответил всё тот же мужчина.

– Два года, – почти не думая ответила она.

– А откуда эти номера?

– Это его мобильный и домашний, я не раз звонила... – Аня не успела договорить, как мужчина её перебил.

– Номера вашего жениха?

– Да, говорю же вам, я не понимаю, в чём дело, – Аня выдохнула и ссутулилась от бессилия.

– Я не знаю ни вас, ни вашего Алексея, но номер моего мобильного и моего домашнего вы уже набрали. Я повторяю: это мои номера, и ничего общего они с вашим суженым не имеют, уверен. Прошу не звонить в дальнейшем.

– Извините.

– Так что желаю вам удачи и выбирайте друзей надёжнее.

У меня дела.

Злой телефон снова высветил конец разговора. Аня встала с кровати и неуверенным шагом пошла за дверь, не зная почему. Просто чувствуя, что так надо. За дверью ждал сюрприз, записка лихим женским почерком:

«Анют, убегаю рано, будить не стала, на холодильнике деньги. Ты у меня умница, поесть приготовишь. Целую, бабушка».

– Бабушка??? – вслух переспросила Аня и перечитала ещё раз, нет, бабушка, действительно, некая бабушка писала своей внучке. Но она здесь при чём? Ещё один вопрос в копилку странного утра.

Аня отправилась на кухню, и вправду на холодильнике, большом и белоснежном, она увидела голубоватую купюру с Ярославлем. Тысяча рублей была приколота ещё одной запиской «на 3 дня, не трать всё разом». Аня не сомневалась, что можно разом и больше потратить, но здравый смысл подсказывал, что тремя днями ей не выпутаться. За окном светило солнце, совсем не осеннее, Аня подошла к окну и присмотрелась. Лето, на дворе было лето.

– Что за херня! – еле шевеля губами, выругалась девушка. На календаре было 28 июля, год, как и был, 2009. Только сейчас Анечка заметила, что квартира тоже не её, как и всё остальное. Вместо хрущёвской пятиэтажки высокие потолки явно дореволюционного дома, она вышла в комнату и присмотрелась. Мебель под стать зданию: старинное крес-

ло стояло напротив телевизора, выглядевшего не менее старинным, стол, на который облокотилась Аня, был весьма органичен всему, толстые ножки из явно натурального дерева поддерживали тяжеленную плиту, нет, монолит столешницы не из чего-нибудь, а из камня. Аня никогда такого не видела в домашнем быту.

– Боже, где я? – никогда не верующая Аня подняла руки к небу, который сейчас заменял потолок. И чуть не села от удивления: на потолке была лепнина. Нет, не из пластика, который так любят нынешние богатеи средней руки, а самая настоящая – из гипса или ещё чего круче. Аня стояла, опершись на стену, и не могла слова проронить, да чего там слова, мысли встали в изумлении и не желали двигаться. Как она раньше этого не заметила? Аня оглянулась на кухню и присмотрелась. На кухне, не столь большой, как комната или даже зал, что будет вернее, стоял обычный стол советских времён или начала девяностых из ДСП, и окно там было привычным стеклопакетом, да и холодильник – весьма современная штучка, даже с магнетиками. А здесь, прям музей, Аня прошагала по комнате, на деле она оказалась не столь большой, но в несколько раз превосходящей её старую, родную, как дома. За комнатой были спальни: собственно, та, из которой Аня вышла, и чужая, туда-то Аня и шагнула. Спальня не уступала красотой и изыском комнате: маленький столик, прикрытый большим куском ткани, именно ткани, грубым и не обрезанным по краям. Анечка приподняла

край так, из любопытства. И пожалела, столик был кованый. Из настоящего метала с изысканной ковкой на ножках, изображающей каких-то птиц – то ли голубей, то ли ворон. Аня убрала журналы с ткани, журналы были свежие и различные – от музыкальных до экономических.

– Кто такая эта бабушка? Откуда такая дорогая мебель? А главное – я здесь при чём?

Аня только и делала, что задавала вопросы, на которые никогда не узнает ответа. Она убрала ткань и столик вновь заставил её удивиться: под толстым стеклом, потемневшим от времени, проступало небо, и по окантовке золотистыми буквами надпись «Малый стол с журавлями». Аня присмотрелась к птицам внимательнее: длинные крылья, непропорциональные шеи, маленькие тела. «Может, и с журавлями, – смирилась Аня, – не так важно». Но утро не переставало удивлять: на теле одной из птиц была тоже надпись, вернее, клеймо – стилизованные «ЖИБ» и цифры 178, но между 1 и 7 был промежуток, Аня потёрла пальцем и не столько увидела, сколько почувствовала: 7. Так, 1,7,7,8, – одна тысяча семьсот семьдесят восьмой год? Ни фига.

Аня не удивилась и не была шокирована, она в музее видела вещи и старше. Но так просто, в обиходе, вещи времён Екатерины Великой или кто там был на троне тогда, Аня точно не помнила. Она просто закрыла всё и положила журналы, где были, бегло оглядела спальню дальше, но, не сходя с порога, состояние было хоть в обморок падай. Взгляд оста-

новился только на двух вещах: кровати и книжном шкафу. Кровать была такая же основательная и старая, как и всё вокруг, но высокая и с тремя матрасами приличной толщины, завершала образ полупрозрачная ткань, опоясывавшая сие ложе, по-другому и не выразиться. А шкаф был так велик, что занимал полспальни, и сплошь уставлен книгами, корешки выдавали возраст, некоторые могли сравняться возрастом со столиком, а то и превзойти его.

«Ноги моей здесь не будет!» – твёрдо решила Аня и двинулась к двери, за которой, как ей казалось, выход наружу из этого музея-дурки. По пути она заглянула в комнату, где проснулась: там стоял современный шкаф для одежды, вещевые полочки для цветов и книг, родное окно, не евро, оно практически не отличается от её домашнего. Чуть улыбнувшись то ли контрасту, то ли тому, что за дверью была действительно лестничная площадка, Аня шагнула в проём. Что-то держало, некие нити говорили ей: «Подожди, ты забыла что-то». Аня нехотя шагнула обратно, прикрыла дверь в свою спальню. Когда она стала считать её своей? Схватила лёгкую курточку. Оглянулась, как бы играя, что она увидит: современную вешалку или старинный гардероб? А нет, до смешного, куртка висела на гвоздике. Простом маленьком гвоздике, грубо вбитом в стену, причём ничего другого в маленьком и тесном коридорчике не было – четыре двери и проход в холл. Аня улыбнулась, но на этот раз шире и от всей души, она уходила из этого романтического, пугающего,

странного и манящего места. Да что там уходила – убегала, сваливала, в конце концов.

Глава II

Маленькая улочка и фонарный столб встретили нашу героиню на природе. Ни машин, ни прохожих, ничего. Аня посмотрела наверх, она была права, старый дом трёх этажей высился над ней. Она без ошибки нашла кухню, больше машинально, нежели ей это было надо, три окна большой комнаты и ещё штуки четыре таких же окон. Занавески были точно такими же, как и в большой комнате. «Получалось, что если кухня в начале квартиры, а те окна в конце, то квартира занимает весь верхний этаж, чуть выше чердак с хорошими окнами и балкончик, на котором росли цветы. Может, где-то есть лестница наверх, и это тоже наше? – здесь Аня поймала себя на последнем слове, – наше? Стоп! Как наше? Твоё с кем?»

«Ты больная дура», – уверенно прошептала она себе и двинулась вперёд, где только что проехала машина. «Если там есть машины, значит, там есть люди», – рассуждала Аня и уверенно шагала в неизвестность, прошу прощения, к своей судьбе. До перекрёстка Аня дошла очень быстро, но ожидаемых людей там не было, да что там людей, улица была пуста, как туннель. Два ряда ровных домов несовременных многоэтажек, а весьма милых домиков в три-четыре этажа. Этакая провинциальная улочка, даром, что вывески были современными. Но ни одной улицы Аня не знала и, куда идти,

даже не представляла. Солнце уже было на самой верхушке и начинало припекать. Аня присела на поребрик, закрыла лицо руками и заплакала. Слёзы сами текли из глаз и просачивались между пальцами, капали на асфальт и таяли в лучах солнышка. Мимо проехала машина, но как только Аня подняла заплаканное лицо, машина уже скрылась за поворотом.

– Ну не прёт, так не прёт, – грустно сказала Аня в полный голос, всё равно никто не услышит. – Может, это всё-таки сон? – и она больно себя ущипнула.

– Ага, щас, как проснусь, как шлёпнусь с кровати и на свой любимый коврик, – Аня опять заплакала, руке было больно, но сон уходить не хотел. Слёзы опять поделили лицо на три части, но утешения не было. Она вспомнила своего любимого, он и дома, и старину любит, и совет всегда даст, не столь здравый или реалистичный, но всегда оптимистичный. Мысли о любимом только больше нагоняли тоску, книги о фантастике она не любила и, что делают герои в таких случаях, понятия не имела, всё, на что ей хватило сил, – это встать и пойти туда, куда уехала последняя машина. В полубытьи она брела около часа, почти ни о чём не думая и гоня любую мысль из головы, была надежда, что ей встретится один человек и подскажет, как, наверно, и бывает в книгах или фильмах. Своё пробуждение она уже перенесла и не могла понять, почему в наше время, в двадцать первом веке, людей так мало, ведь даже глубокой ночью на окраине за час-другой кто-то да встретится. Подойдя к очередному

перекрёстку, она увидела автобус, который медленно полз к остановке, Аня побежала и, махая руками, начала кричать. Автобус остановился на нужном месте и услужливо открыл двери.

– Не вопи, видим. Да и не беги ты так, минутку можем подождать, – странный механический голос из недр автобуса изволил пообщаться с Аней и умолк.

Лишь запрыгнув на подножку, она поняла, что это был водитель через динамики. Анечка села на первое место, что попало, и, чуть нагнувшись, начала тяжело дышать, лёгкие почему-то жгло, а ноги тянуло. Водитель дождался с полминуты, закрыл дверь и тронул. Тогда наша героиня встала и подошла к водительской кабине, присев на передние места. Кабина была открыта, и оттуда тянуло какой-то нестерпимой духотой.

– Ты откуда такая нарисовалась? – смешливый молодой водитель коротко глянул на Аню и отвернулся следить за дорогой. – Иль убежала от кого, а то я могу и газа добавить, – он улыбнулся, сдерживая смех.

– А я уже и не знаю, откуда я. Проснулась в доме чужом. Да я и не знаю, где я сейчас и куда еду.

– А что бежала тогда?

– Так нет никого, я только две машины видела, и всё. Мне бы домой, так спросить некого.

– А где ты живёшь-то?

– На подводника Кузьмина, мне бы на метро, я дальше

доберусь.

– Так ты что, неместная?

– Наверно, – Аня произвольно пожала плечами. – Говорю же, я даже не знаю, где я.

– Не расстраивайся, денег я с тебя не возьму, – парень опять улыбнулся. – Да и у тебя карточка, скорее всего.

Но Аня старалась не плакать, но слов его почти не слышала, нервозность сегодняшнего утра вывела её из равновесия надолго. Спустя десяток-другой минут она подняла голову и наконец осознала, что едет неизвестно куда и неизвестно с кем.

– А куда мы едем? – чуть срывающимся голосом поинтересовалась она.

– А тебе куда надо, красавица? – парень протянул ей платок.

– Домой, – с детской наивностью и радостью ответила Аня и даже улыбнулась.

– А ты где живёшь? Ах, я же спрашивал. Понимаешь, у нас в городе нет такой улицы, как ты говоришь, подводника Кузьмина? – Аня кивнула, и парень продолжил. – Мой маршрут недалеко от вокзала проходит, там праздник сегодня, все там, похоже, я один работаю за всех, – парень коротко рассмеялся, – так я тебя, где надо, высажу, расскажу, куда идти, ты дальше и без меня разберёшься. Хорошо?

– А что мне делать ещё остаётся, – риторически пожала плечами Аня.

Парнишка не ответил, только чуть сбавил ход и огляделся, не бежит ли ещё кто на остановку. Когда он бросил беглый взгляд на Анечку, она прислонилась к стеклу с закрытыми глазами, подумал, спит, и стал ехать чуть осторожнее. Аня не спала, она думала: «Почему всё это случилось? Почему именно с ней? За что, в конце концов?» Спать хотелось, эмоционально она была как выжатый лимон, но сон не шёл. Возможно, если считать, что мир вокруг – сновидение, то заснуть сложнее, если вообще возможно. Аня хотела отдохнуть, что-то внутри неё подсказывало, что это ещё не всё, это далеко не полный список бед, которые обрушатся на её голову. Сколько времени прошло, никто не считал, но эту идиллию разрушил звонок телефона. Незнакомая мелодия раздалась из кармана куртки, если бы не вибрации, то девушка бы подумала, что это у водителя. Незнакомый номер и злая, пугающая надпись «Бабушка». Аня взяла в руки аппарат, новый, даже без царапин и внимательно посмотрела на него, где-то в глубине души она надеялась, что это будильник, и она... Пришлось брать, водитель стал поглядывать на неё уже без улыбки и чуть зловеще.

– Да, – коротко ответила Аня.

– Что так долго? Спишь ещё? Я сегодня рано убежала, там денюжка тебе, только не трать всё разом, – голос пожилой женщины был очень знаком.

– Бабушка? – с изумлением спросила Аня, голос был знаком с детства, это был голос её родной бабушки.

– А кто? Кто же о тебе ещё позаботиться? Только твоя старая больная бабка! – на том конце раздался смех, скорей иронический и грустный, чем весёлый, как после хорошей шутки.

– Не прибедняйся, бабуль, ты у меня крепкая и сильная в твои-то годы, – Аня была рада знакомому голосу.

– Да что там, девяносто два скоро. Так ты уже встала?

– Встала, – отрешённо сказала Аня. – Я погулять вышла на праздник, сейчас в автобусе еду.

– Вот и хорошо, прикупи мне что-нибудь, не будь скрягой, целую, внученька.

– Целую, бабуля, – потерянным голосом промолвила внучка и положила телефон, первая радость ушла. До неё только сейчас дошло, и ошарашила мысль, нет, она была рада, безумно рада голосу, но Аня точно знала, что бабушка умерла пару лет назад в преклонном возрасте, но никак не в 92... Раньше на пяток лет, но уже всё. Коль первая радость прошла, начала работать голова.

– А с вокзала в Питер поезда ходят? – Аня поняла, что домой надо ехать на поезде, и ни капельки не была рада этому.

– Куда? Я что-то не понял, говоришь странные названия, дураком себя чувствую.

– В Санкт-Петербург, – уже не ожидая ответа, скорее машинально проямлила Аня.

– А, не расслышал просто, – у неё отлегло от сердца, хотя подвоха можно ждать любого. – Ходят, иногда.

– Как иногда??? – испуганно, в панике переспросила Аня.

– Да шучу я, больше не буду, ходят регулярно. По утрам, в семь или восемь часов. Но это только завтра будет. Сегодня точно не уедешь.

– Шутишь? – с робкой надеждой поинтересовалась Анечка.

– Увы, нет, один раз в сутки. Утром туда, вечером обратно.

Аня, много раз слышавшая фразу «от бессилия опускаются руки», здесь испытала это на себе: она села обратно в кресло, и не было сил говорить, а сил плакать и подавно.

– А туда только поездом можно? – все силы, всю надежду она вложила в этот вопрос, и водитель понял это.

– Можно по дороге, но такси обойдётся тысяч в 30. Частники опаснее, но можно за двадцатник договориться. У тебя деньги-то вообще есть?

– Одна тридцатая или двадцатая, если договориться, – сил плакать не было, слёзы текли сами собой.

– Не реви, красавица. Я бы дал тебе денег или сам бы отвёз, да на наши деньги бензин даже не купить в одну сторону, а в обратную – так точно. У тебя есть кто там?

– Я уже ни в чём не уверена, но я должна туда поехать, обязана.

– Обязана – так обязана. Мы почти приехали, дай свой телефон, я, если что, тебе позвоню или потом так спрошу, как всё прошло. У тебя парень-то есть?

– Позвони себе, – Аня протянула телефон, по которому говорила с бабушкой. – Парень? – Аня задумалась. – Есть, Лёшей зовут.

– Так ты же ни в чём не уверена? – юноша протянул обратно телефон.

– В нём я уверена. Что бы ни случилось, – она помедлила. – Даже такое.

С этими словами она вышла из автобуса, всё такого же пустого, и только водитель вышел из кабины и что-то крикнул ей вслед, но долетели только обрывки: – Счаст...я ты, м...я ж...н.. з...в...т, – но музыка праздника заглушила остальное.

Бабушкиной тысячи еле хватило, чтобы купить билет и перекусить несколькими пирожками. Зато Аня обнаружила, что в сумочке лежал один паспорт, а в куртке – другой, и что делать с таким разнообразием, она просто не знала, билет был куплен на местный, для верности. Благо по обоим ей было одинаково лет, с разницей в несколько месяцев, а так даже знак зодиака один. Предстояло ещё одно испытание: как провести ночь. Вспомнив рассказы своего возлюбленного о том, как решать подобные проблемы, она зарезервировала себе место в зале ожидания и спокойно присела. Чем себя развлечь, вопрос не стоял, как-никак на улице праздник, а вот ночлег – это было проблемой.

Аня уверенно шагнула в гущу народа. Провинциальные праздники всегда можно отличить от столичных, Аня давно привыкла считать свой город столицей, что и было правдой,

негласно. Праздники в маленьких городах лишены помпезности: если в Санкт-Петербурге или Москве, Новосибирске, Екатеринбурге это громадные баннеры и парады, то маленькие города берут своим духом и оригинальной культурой и постановкой, пускай не всегда профессионально и без лазеров, бьющих в небеса, зато с душой, по-домашнему. Вот на такой «уютный» праздник и вышла наша героиня.

Стоило только выйти на площадь, как она заметила огромный хоровод, пришлось протискиваться через зевак, чтобы поглазеть на диво этакое, какое не увидишь в мегаполисе.

Толпа танцевала и смеялась, то поглощая, то выпихивая кого-нибудь. Аня улыбнулась и расслабилась, как вдруг кто-то выбежал из кружащегося месива людских тел и, схватив нашу героиню, втащила её в танец. «Всё, приехали, меня здесь уже и танцевать на радость публике заставляют», – подумала Анечка, но девушка куда-то убежала и привела ещё парочку молодых ребят. «Эх, была не была, один раз живём», – вторая мысль была более жизнерадостной, и Аня, улыбнувшись, очертя голову ринулась в танец. Пару раз звонила бабушка и спрашивала, ждать ли на обед, а потом и на ужин, но Анины ответы были уклончивы, и всё сводилось к тому, что она не голодная и не устала, это была даже правда, ни усталости, ни голода она не испытывала. Праздник гудел и пух, народу прибывало и прибывало, Аню вначале накормили кашей из полевой кухни, а потом, как особо отличив-

шуюся, пригласили резать огромный пирог, откуда, конечно же, пропало несколько кусочков. День пролетел незаметно, хоть Ане так и не удалось узнать, в честь чего празднуем, но уж скучно точно не было. Проблемы начались, когда солнце ушло за горизонт и празднование медленно, но уверенно тоже клонилось к окончанию. В последний раз позвонила столь знакомая и уже почти родная бабушка, и пришлось врать, что спать Аня ляжет у подружки, возвращаться в ту квартиру Аня не собиралась ни под каким предлогом, и даже интерес посмотреть на вероятного родственника, увы, здесь значения не имел. Бабушка сомневалась, но согласие дала. Аня никогда не знала этой пожилой дамы, но как-то быстро прониклась к ней если не доверием, то какой-то странной привязанностью. Просто не хотелось расстраивать старушку, что новоиспечённая внучка дезертирует и сама не знает куда. Ведь переночевать можно было и здесь, вернее, в квартире, где проснулась, что было бы логично со всех сторон. Но Аня дала себе твёрдое слово, что больше никогда не вернётся в тот дом, в ту квартиру, в ту кровать, откуда всё началось сегодня утром. Часы отбили двенадцать, злополучный день ушёл в историю, календарь перевернулся, и Анечке очень хотелось, чтобы и история ушла туда же, в большие тома классиков, чтобы она приехала в любимый город и всё стало как прежде. «Опять осень, опять споры с мамой и мелкие проблемы в школе, ведь нет ничего лучше, чем засыпать и просыпаться у себя, в своей кровати. Нет, вру, самое при-

ятное – засыпать на груди у любимого, слушать, как он чуть посапывает или нет, что-то говорит, и ты засыпаешь под его сказку или фантазии», – Аня сидела и вспоминала, как было раньше, и кроха сомнения была во всём этом: вернуться или остаться? Ведь можно и здесь, с бабушкой, ведь старушка не бедствует, добрая, да и она сама многое может, познакомится с этим водителем, весьма милый парень. Может, действительно, чего она рвётся туда? Чего там хорошего? Одна рутина. В размышлениях шли минуты, минуты складывались в десятки и в конце метаморфозы в часы. Аня медленно, но верно заснула. Она боялась, что её выгонят или, того хуже, она проспит, но всё сложилось иначе. Сон, да, действительно настоящий сон. На грязном чужом вокзале, где стоит неиспользуемый запах, столь знакомый практически всем путешественникам, которые проводят свободные часы не в вокзальном ресторане, а в зале ожидания. Сон был ярким и красивым.

Аня и Лёша, двое влюблённых, были в Крыму, в старом любимом курорте советских элитных дяденек и тётенок, в Крыму, который должен посетить каждый житель, увы, уже павшей империи. Влюблённые гуляли по воде вдоль прибоя ночью, в самом начале, когда луна только-только выползает из воды и пускает первые блики, или это было уже темнеющее солнце, ведь если разобраться, влюблённым плевать на мелочи, они даже за временем не смотрят. В беседе со своей ненаглядной юноша предложил искупаться напоследок, де-

вушка предположила, что скоро в гостиницу, но молодой человек обнял её и сказал:

– Дорогая, это только сон, тебе скоро вставать. Иначе ты никогда ко мне не приедешь. Пошли нырнём.

И как только всё тело девушки вошло в воду, Аня вскочила и, заглывая воздух открытым ртом, ещё не понимая, где она и что с ней, сделала первый шаг в сторону поезда. Шаги складывались в цепочку осознанного движения, и вскоре показался длинный перрон и поезд. Аня шла, но мысли её были далеко, она практически не помнила сна, только конец. Что-то твердило: «Вы с ним долго говорили, и он советовал, как поступить, ты спорила, он соглашался и возражал». Но сам разговор не остался чётким отпечатком в её памяти, а как бы помогли слова, голос, образ любимого человека. Но именно образ, туманное воспоминание и подтолкнули Аню встать и пойти, протянуть билет и зайти в вагон. Аня огляделась, она уже была в вагоне, чуть подумав, она вспомнила, как сюда шла и сама выбрала купе. А почему купе? Денег же и так очень мало было. Память вежливо предоставила информацию, что всего 3 вагона и все купейные, девушка в кассе ещё говорила об окупаемости, но это Аня забыла, только отойдя от окошка кассы. Сняв куртку и небрежно швырнув её на противоположное сидение, Аня глубоко вздохнула и закрыла глаза. Поезд тронулся.

Глава III

По вагону кто-то ходил, но к ней не заглядывали. Поезд набирал ход, и мерный стук колёс усыпляюще подействовал на нашу героиню, ей очень хотелось спать. Нет, не для отдыха, просто очень хотелось увидеть сон, сон с родными и близкими, от которых судьба так увела, а может, это была не только судьба. Аня решила проверить куртку. Если там был паспорт, так, может, там и ещё что найдётся.

– Так, что у нас есть? – Анечка взяла куртку и проверила карман. – Пусто, но есть второй, опаньки, что-то нашлось, – Аня расплылась в улыбке. Ну конечно, карман был пуст, но в нём явно что-то чувствовалось, не в нём, за подкладкой. Аня развернула куртку и поместила руку во внутренний карман, пусто. Аня положила куртку на столик и развернула наизнанку, что-то тяжело ударило по столу через подкладку. – Значит, что-то есть, я уверена, – зачем-то вслух продолжала она. Куртка уже стала загадкой, притягивала внимание и ждала ответа, открытия. Аня проверила подкладку с другой стороны, там было не всё ладно. Выпирал явно инородный предмет, Аня ещё раз провела рукой и нащупала молнию. Обычную молнию, прикрытую кусочком материи.

– Никогда не любила потайные карманы, но всегда пользовалась, – тот факт, что её никто не слышал, быстро приучил её говорить самой с собой вслух, обращаясь то ли к се-

бе, то ли к невидимому собеседнику. Аня приподняла кусочек ткани и открыла саму молнию, она была такого же бледно-зелёного цвета, как и сама куртка, если не щупать или не знать, то заметить такое чудо почти невозможно.

– Так что же ты у нас прячешь? – Аня улыбнулась. – Может, ответы на все вопросы? Тогда иди ко мне, гадина мерзкая, – Аня вытряхнула чёрную коробочку. – Так я и знала, ответов не будет, – сегодня наша героиня явно была в ударе, так иронизировать её могли научить только последние события. Она села обратно и начала тяжело дышать, нервы были на пределе, голова лопалась, Анечка просто устала от всего этого. Оттого что она ничего не понимала, оттого что жизнь вообще способна выкидывать подобные вещи и в конце концов оттого что вокруг неё было одиночество. Она откинулась назад и закрыла глаза. В дверь постучали, и проводница, женщина лет сорока, вежливо попросила приготовить билетик. Аня скинула куртку на пол, и билет полетел вместе с ней.

– Аккуратнее, девушка! – проводница с сочувствием посмотрела на Аню, и та виновато улыбнулась, протянула билет с паспортом. Проводница оторвала часть билета и удалилась, Аня же приняла предыдущую позу и стала крутить в руках чёрную коробочку. Это оказался плеер с маленьким экранчиком и на сменных батарейках. Аня усмехнулась, плеер без наушников, зачем он такой нужен? Она лениво пошевелила ногой и задела куртку. Надежда зародилась в ней, ес-

ли аппарат был в куртке. Так, может, и «ушки» там найдутся? Аня нагнулась и подняла свою «шкурку». Карман, ещё один, пустой, третий, и снова пусто. Это наводило на сомнения, ведь у неё всегда в карманах много ерунды: бумажки, чеки, листовки, иногда можно и чирик завалыный найти, а здесь чисто. Может, в этом и дело? Куртку недавно стирали, и эта галиматья ещё не успела набиться? Здесь Анечку осенило: ведь плеер она нашла на ощупь, может, и наушники так поискать, благо курточка была летней и весьма лёгкой. Аня положила куртку на противоположное место и, немного подумав, села на неё. Покрутилась, скорчила задумчивую гримасу, привстала. Ткнула пальцем в то место, где ей показался бугорок, подняла пальцами то место, и её разразил истерический хохот, нервы сдали. В руках у Ани была собачка от молнии. Аня села на пол, обняв руками голову. Закрыла глаза и попыталась отдохнуть, забыться, хотелось пива, нет, даже водки, хотя абсент бы тоже подошёл, не может же приличная девушка хотеть чистого спирта. Она так сидела долго, периодически открывая глаза и смотря в пол. Поезд проехал какой-то туннель и мост, в окно светило яркое солнце и чуть припекало руки, но даже если бы оно сожгло их, сожгло в прямом смысле, до костей, поджарив живое мясо, Аня бы едва ли заметила. В глазах стало темнеть, казалось, что она куда-то проваливается, летит, голова становилась то тяжелее, то легче, но всё это было сущей ерундой. В глазах у девушки стали плясать круги и другие фигуры, перетекая одна

в другую. Она вдруг забыла, как её зовут, но через мгновение это показалось слишком мелким, ещё миг, и она забыла, как дышать, но и это стала всего лишь незначительной мелочью по сравнению с тем, что переживала и чувствовала. Бедная напуганная девочка, которая едет из ничего в никуда, спрятавшаяся в своём купе под столом и обнявшая опорную палку. Время не решалось побеспокоить девушку, свет скромно освещал только самый краешек, нескромно обходя силуэт молодой дамы, всё замерло в ожидании чего-то, молекулы замерли вместе с ней, позабыли господина Броуна. И в этой идиллии, идеальной системе бытия была ошибка: как и всё идеальное, оно оказалось невечным, в дверь постучали, появился звук, дверь стали открывать, и первый звук превратился в скрип, а от скрипа произошёл и свет, Анечка очнулась от забытья. Из проёма двери на неё смотрел молодой человек.

– Вы едете одна? – незнакомый голос раздался из того места, где была дверь. Конечно, закрыться же она не догадалась.

Аня вздрогнула и вскочила, больно ударившись об столик:

– Да, одна, а вы кто?

В дверях стоял парень, чуть моложе её, но с виду довольно-таки крепкий и, как водится, в спортивном костюме. Вот только костюм был не китайской подделкой под известные бренды, а весьма добротным оригиналом с гордой надписью «Россия» и на спине RUS, как это заведено на соревновани-

ях, которые вышли за рамки одного района.

– Я Артём, извини, если напугал. Мы с ребятами на чемпионат едем, иду по коридору, у тебя дверь приоткрыта, сидишь на полу. Думаю, может, помочь чем могу, – парень явно был растерян и смущён, чувствовал себя виноватым в том, что напугал незнакомую девушку, и всеми силами пытался загладить вину. – Мы через два купе от тебя едем, заходи, если хочешь. Всяко будет веселее, – Артём улыбнулся и собирался выходить.

– У вас выпить есть? Хоть чуть-чуть, – не своим голосом спросила Аня, за время его монолога она вернулась в явный мир и даже вылезла из-под стола.

Артём посмотрел на неё более внимательно, но с виду приличная девушка, бросил взгляд на куртку, неряшлива и на полу сидит, но вроде приличная.

– Ты что, нам нельзя, вмиг из команды выкинут. А что, трубы горят?

– В смысле? – Аня поморщилась.

– Да ничего, надумаешь, заходи, – парень двинулся назад и дёрнул дверь.

– Подожди, я с тобой. От одиночества крыша едет, уже вторые сутки поговорить не с кем.

– А вот поговорить – это сколько угодно, – парень улыбнулся. – Но только до нуля, режим, – он виновато развёл руками.

– Так мы же вечером должны приехать. Часов в 20... –

Аню эта новость сильно удивила.

– Нет, ехать чуть больше суток, а хотя тебе куда? В Северную столицу?

Аня закивала, хоть этот знает город на Неве. Не то что этот тупой и глухой водила.

– Тогда понятно, а мы в Хельсинки. Думал ты тоже, извини. А тебя чего на алкоголь потянуло?

Они продвигались по коридору довольно медленно, поезд как специально шатался, и приходилось останавливаться, держаться за что-то.

– Это от бессилия, что-то внутри говорит, что после станет легче, – Аня с неохотой поделилась информацией, но собеседник был реален и мог ответить.

Они прошли в купе, где уже сидели четыре молодых человека и один мужчина довольно сомнительного вида, хоть и в такой же спортивной форме. Артём представил всех по очереди, но Аня никого не запомнила, у неё вообще плохо было с именами. Ей показали на место, и она присела, было очень неудобно, ведь вставший сел на колени друга, но было видно, что такое им весьма привычно, но чувство неловкости Аню не покидало. Артём наклонился к мужчине и что-то прошептал ему на ухо. Тот сморщился и с силой придвинул его ближе, Артём повторил. На что мужчина подумал немного, оглядел сидящих и со всей силы ударил Артёма по губам, тот от неожиданности сел на пол и схватился за место удара.

– Да не мне, тренер, ей. Горе у неё, – с обидой, дрожащим

голосом чуть не закричал Артёмка. – Я сказал, что у нас такого нет и быть не может. Но вдруг.

Мужчина встал и очень громким голосом, срываясь на крик, молвил:

– Алкоголики, мудаки, водят здесь всяких, – мельком посмотрел на девушку и подмигнул ей. – У вас режим, ничего постороннего до соревнований, – и чуть помедлив, но уже мягким, отцовским голосом, – и после тоже не надо, но это как получится.

Ошарашенные мальчишки, и до того молчавшие, сидели, вжавшись в стенки, и с опаской смотрели то на тренера, то на Аню. Тренер же повернулся ко всем спиной и что-то достал из сумки. Это оказалась большая медаль, только с очень уж толстыми краями и выдающимся центром.

– Девочка, а что у тебя случилось? – мужчина держал медаль в руках, как бы раздумывая, достойна ли эта молодая потрёпанная деваха такой награды. Аня молчала, она и сама была под впечатлением от власти этого весьма сильного и телом, и духом человека. Вся команда смотрела на тренера и ждала его решения. Тренер кивнул на дверь купе и первым потянулся за ручкой. Команда дёрнулась, предпочтя выйти большинству, а тренера и эту ненормальную оставить подобру-поздорову.

– Артём, ты привёл даму, тебе её и кормить.

С этими словами мужчина вышел, и Аня поймала взгляд Артёма, в нём читалось облегчение, а вот руки Артёма под-

сказывали, что надо бы выйти вслед за тренером, а то тот не привык ждать. Выйдя, Анечка увидела тренера метрах в десяти от себя и уверенным шагом двинулась к нему, прошла мимо, хоть это было и непросто, но по-хозяйски открыла дверь своего купе. Мужчина едва улыбнулся чему-то своему, далёкому и непонятному для Ани. Войдя в купе, Аня быстро подняла куртку с пола и встряхнула, вошёл мужчина и поставил медаль-флягу на стол. Сел напротив и уставился на Аню, та сразу же потеряла всё настроение, которое только начало появляться. Тренер привстал и пересел к ней, обнял. Аня с грустью и спокойствием подумала: «Сейчас насиловать будет».

– Давай рассказывай, что случилось, я не врач, но слушать умею, – мужчина улыбался, но не как маньяк, который наслаждается мукой жертвы, а скорее как отец, который с высоты жизненного опыта беседует с чадом.

Аня начала и поведала всю историю: от того, как проснулась в незнакомом городе и как попала сюда, получилось сухо и коротко. Аня даже врать не стала, чтобы всё было реальнее. Странно, но стало легче, воистину камень с души упал.

– А когда вы меня обняли, я думала, насиловать будете... – здесь Аня поняла, что этого лучше было не говорить, но тренер не смутился, только руку убрал, Аня виновато улыбнулась.

– Нет, не буду, я женат. А с моими охламонами на измену даже сил нет. Не бойся, – мужчина улыбнулся и хотел похло-

пать её по плечу, но только перемял пальцы и положил руку себе на колено.

– Что? Как? Почему? Я не знаю, что со мной приключилось, и это плохо, – Аня свесила голову, и ей снова хотелось плакать.

– На эти вопросы я тебе не отвечу, а вот помочь могу. У тебя деньги есть? Ах да, ты говорила, чуть больше двух сотен, негусто. Я поговорю с ребятами, может, что дадим, – мужчина рассуждал вслух, подняв лицо кверху. – Одежда у тебя есть, ночью холодно, как будто не лето. В столице Северной у тебя есть родственники, друзья, пойдёшь к ним. Тебе сейчас главное – успокоиться, не думать о плохом, – он бросил взгляд на фляжку-медаль, мирно качающуюся на столе, но так и не упавшую. – Пить будешь?

– Буду! – с яростью выпалила Аня, схватила флягу и тихо добавила грустным голосом, – наверно.

– Дело твоё, – с деланным равнодушием ответил тренер, – там крышка, под ней два горлышка. Я своим пацанам всегда так говорю: «Если беда – пей из белой, если горе – пей из чёрной, а если совсем...» – здесь мужчина осёкся и посмотрел на девушку, та кивнула и открыла крышку, – ну ты поняла, то из двух разом.

Под крышкой действительно было два горлышка с резьбой. Аня посмотрела на тренера и смущённо склонила голову, она не знала, что делать. В купе повисла томительная пауза, казалось, даже поезд стал тише ехать, ветер снова стес-

нялся задувать в чуть приоткрытое окно. Аня смотрела на два горлышка, чёрное и белое, три варианта и только одна попытка. Ей дали, что она просила, но последний шаг не зря называют самым трудным. Мужчина обнял её без смущения, пускай думает, что хочет, он испытывал отеческие чувства. Анечка поняла всё правильно, положила голову ему на плечо и закрыла глаза, пускай делает что хочет, ей было хорошо.

– Ты пить будешь? – мужчина вытащил фляжку из рук девушки, Аня мотнула головой, тренер закрыл крышку.

– Не выход это, напиваться, – Аня подняла глаза на мужчину.

– Конечно не выход, я и ребятам так говорю. Но вот знаешь, что удивительно: пока не побываешь на месте того, который выбор должен сделать, не поймёшь. Мои-то это уже поняли, почти всё так же сидели и думали, но никто ещё ни разу не выпил. Не из одного горлышка, – мужчина улыбнулся и потрепал Анечку по волосам, она тоже улыбнулась. Мужчина встал, отстранив голову девушки, и направился к выходу.

– Я к пацанам, если хочешь, присоединяйся.

– А что мне здесь одной делать, я больше никого не знаю... – Аня смутилась и, чуть помедлив, себе под нос добавила, – наверно, уже...

– Прочь тоска, у нас гитара есть, – мужчина улыбнулся и шагнул в коридорчик, Аня последовала за ним.

В купе было душно, рослый парень, снявший спортивную

куртку и оставшийся в одной майке, забрался наверх и из кучи наваленных сумок достал гитару. Старая, вся в наклейках, царапанная и с разноцветными струнами из лески – это была настоящая гитара для походов в горы или посиделок у костра, только на такой гитаре можно играть ночью, настоящие песни с душой, пропитывая духом и сам инструмент. Аня улыбнулась, она такого никогда не видела, но это не могло не заставлять улыбаться. Юноша ловко спрыгнул, вытянув инструмент перед собой, чтобы не ударить, как святыню. По сидевшим прошёл ропот, Аня боялась, что юноша что-то ушибёт, остальные знали его и боялись за инструмент. Юношу звали Вадимом, он протянул гитару Ане, та улыбнулась и чуть отстранилась: она не умела на ней играть и немного побаивалась брать такое чудо в руки.

– Погладь её, познакомься, а то вдруг не захочет при тебе петь, – Вадин даже не улыбнулся, а был целиком серьёзен. – Вон видишь, где потёрто сильнее всего или по струнам...

Аня протянула руку и погладила гитару по наклейкам. «Больной на голову, хуже меня, наверно, так вот спрыгнул и шиндарахнулся...» – а что ещё она могла думать? Удовлетворившись, юноша отошёл и сел на освобождённое ему место.

– Не удивляйся, – прошептал Артём ей на ушко, – эта гитара его папы, он тоже спортсменом был, весь мир с ней обкатал, видишь, сколько наклеек, – Аня кивнула. – Она свое нравная, действительно. Играть на ней получается только у

хозяйина, и если незнакомый человек слушает, может, и струна лопнуть, а то и все разом, но такого я не видел.

Аня тихо взывала. «Наивная простая девочка, думала, убежала из дурки, где проснулась. Но нет, избранные представители поехали вместе с ней, всё это сон, всё это сон... – стала она себе твердить, чуть прикрыв глаза. – Надо же, своенравная гитара, струны сама рвёт и играть не хочет при чужих... Господи всевышний, за что? Mamочка, роди меня обратно! В какой бред я попала...» – она могла и уйти, но сидеть одной ей не хотелось больше, чем терпеть это сумасшествие. Она вымученно улыбнулась и посмотрела на солиста, тот подтягивал струны и ждал заказа на песни.

– Пусть дама закажет, любую, что возможно сыграть на гитаре, – Вадим улыбнулся искренне и без издёвки. Наверно, он действительно неплохо умел играть.

– Да я не знаю, может, вы начнёте... а я так, послушаю... – Анечка хотела как-то отвязаться от внимания.

– Вадь, давай твою любимую, а потом папину. Думаю, девушке они понравятся.

Вадя кивнул и начал, вот так, с разгону. «Просто взял и заиграл, будто знал заранее и всё подготовил, и вправду, наверно, талантливый... музыкальный аппарат», – Ане такая мысль и аналогия понравилась, она улыбнулась и сочла этокое прозвище мезтью за поглаживание инструмента.

Аккорды были простые, может быть, с лёгким усложнением, Аня всегда больше ценила текст, чем слова, но здесь звук

и виртуозность завораживали, Вадим запел:

«Сквозь какой-то там тыщу лохматый год,
Протоптав тропинку в судьбе,
Полосатый, как тигр, Корабельный Кот
Научился снится тебе».

Все в купе улыгнулись и тихо, чтоб не мешать друг другу, стали подпевать, а у Ани возникло чувство дежавю – где-то она это уже слышала. Может, в детстве, может, по радио, но песня ей нравилась. Тоже хотелось подпевать.

«И ползли по норам ночные крысы твоих невзгод,
Когда в лунный луч выходил Корабельный Кот.

Он входил в твой сон, разгоняя страх,
Принося уют и покой,
И блестела соль на его усах,
И искрился мех под рукой.
И небесный вагон разгружал восход и уходил пустым,
Начинался день – улыбался кот и таял, как дым».

Все были в песне, все вспоминали что-то своё, и в первую очередь сам певец: его глаза затянула дымка, петь он стал чуть тише, но песне это пошло только на пользу. Аня сама не заметила, как погрузилась в раздумье.

«И казалось, вот, он в толпе идёт,

И на нём в полоску пальто,
И о том, что он – Корабельный Кот,
Здесь никто не знает, никто.
Не видать лагун голубых в вертикалях его зрачков:
Он молчит потому, что нынче в мире расклад таков.

Если ты крутой – то полный вперёд,
В руки флаг и в справку печать.
Ну а если ты Корабельный Кот,
То об этом лучше молчать:
Это твой меч, это твой щит и твоя стезя...
От того-то Кот и молчит, что об этом всеу нельзя.

А пока над форпостом бузят ветра,
Выдирают паклю из стен,
Минус сорок пять на дворе с утра,
Флюгерок замёрз на шесте.

Ну а Кот возвращается на корабль провиант от крыс охранять,

Чтоб когда настанет пора – присниться опять».

Ане хотелось плакать, песня ей напомнила о любимом, таком далёком, но... и таком близком сейчас. В её глазах появились слёзы, и все, кто был рядом, это увидели, но Анне было всё равно, она их не видела, она была в своём мире – дома с любимыми и родными. Как тот Котик во сне. Тренер

посмотрел на неё, в воздухе возникла тишина звенящая, и только стук колёс и скрип еле качающихся сидений её пытались колыхнуть. Мужчина посмотрел на юношу с гитарой и тихо, еле двигая губами, произнёс:

– Давай папину.

Юноша взмахнул рукой и запел.

«Время идёт – не видать пока
На траверзе нашей эры
Лучше занятыя для мужика,
Чем ждать и крутить верньеры.
Ведь нам без связи ни вверх, ни вниз,
Словно воздушным змеям.
Выше нас не пускает жизнь,
А ниже – мы не умеем.

В трюмах голов, как золото инков,
Тлеет мечта, дрожит паутинка.
Прямо – хана, налево – сума, направо – тюрьма,
А здесь – перекрестье. В нём – или-или,
И шхуна уходит из Гуаякиля.
Не удивляйся – именно так и сходят с ума».

«Именно так и сходят с ума, – подумала девушка, – именно так и сходят», – повторила она и наклонилась к уху тренера.

– Я, наверно, пойду, устала я сегодня.

– Что-то случилось? – взволнованно прошептал он в ответ, и они оба заметили, что все пристально смотрят на них.

Музыка продолжалась, и все делали вид, что слушают именно гитару, но после того как вокалист пропустил вступление, и так всем понятное стало явным: эту песню они слышали много раз, а вот странная, испуганная и, что немало важно, симпатичная девушка вызвала у молодых спортсменов гораздо больший интерес. Потеряв на это заключение пару драгоценных секунд, Анечка продолжила:

– Нет, всё прекрасно. Но я, наверно, всё-таки пойду, тяжёлый день выдался, – с этими словами она встала и вышла. Только за ней закрылась дверь, музыка резко стихла, и как бы по инерции струны выдавали какие-то звуки, ибо не было в тот момент большего проклятья, чем тишина – и для девушки, и для юношей, и для тренера. Аня утёрла лицо рукой и двинулась в сторону своего купе, но стоило ей дойти, как дверь скрипнула и с силой отодвинулась, из купе со спортсменами показалась голова тренера.

– Ты точно в норме? – мягким и взволнованным голосом спросил он. – Может, я чем помочь могу? Только скажи.

– Всё хорошо, устала просто, – чуть повысив голос, выдавила из себя Аня и как можно быстрее скрылась в своём купе.

Когда она зашла, в голове была только одна мысль: «Негромко!» Слезы текли из глаз, как не течёт ливень с неба,

сил не было, она еле дошла, да какое там дошла, доползла до свободного места и упала лицом в подушку. Нет, она не плакала, она выла. Бедная подушка впитала в себя столько слёз, столько горя и огорчения, сколько не каждая исповедальня за свою жизнь видела. Аня физически почувствовала, как глаза закрывает чёрная плёнка, как руки теряют чувствительность, а пальцы ног холодеют. По телу прошёл жар и холод, они смешивались, но суммы этих явлений не приходили, бедная девушка чувствовала себя камнем, который то раскаляют, то бросают в воду, тело забилося в судорогах, её кидало из стороны в сторону, вены наполнились ртутью, нет, расплавленным свинцом или даже сталью. Если вы представляете круги ада, то знайте, наша героиня их прошла все разом и на скорости такой, что свет остался далеко позади. Когда физическая боль отступила, осталась та боль, что не лечат лекарствами, боль в душе. Аня подняла голову от подушки, и руки её были исцарапаны, и одежды были её порваны, а лицо источало столь зловещий вид, что сам Маркиз де Сад бы ужаснулся, такое увидеть во плоти. Белая ярость овладела Аней, единственное, что хотелось нашей героине, – это крушить всё на своём пути, отомстить этой вселенной, отомстить этой судьбе, сломать, совратить, уничтожить столько душ, сколько получится. Но ярость отступала, Аня потихоньку успокаивалась, и она вспомнила лицо любимого, и на миг ей стало лучше, огонь и лёд смешались как надо, и ей стало тепло, она, пускай на миг, представила себя в объятиях

любимого. Но миг прошёл, и её снова накрыло: она осознала, что его нет рядом и этим мечтам, возможно, никогда не суждено сбыться. Мига хватило, какой-то доли секунды хватило на то, чтобы она пришла в себя и подсознательно осознать, что же она творит, схватила мокрую от слёз подушку и всю энергию, что она хотела направить на разрушение, она применила в крик. Подушка всё заглушила или ту избыточную часть звука, которую можно было услышать вне купе. Скажу немного: крик помог, но ценой того, что наутро подушка была в крови и не от рук, девушка кричала так, что связки стали кровоточить, и брызги сукровицы, вылетающие вместе с воздухом, безвозвратно испортили ткань. Потом сознание покинуло Аню, сильная боль по всему телу, но важнее полнейшее моральное истощение сделали своё дело, сознание покинуло бушующее тело.

Глава IV

Аня вошла на вокзал, длинная чередка касс и зал ожидания, тюки и сумки, люди и животные – кого здесь только не было.

– Чё за херня?! – чуть не вслух выронила девушка.

Она помнила все вокзалы родного города, какие там: Балтийский, Витебский, Ладожский и Финляндский с Московским, всё. Анечка была на них и не раз, помнила если не каждую архитектурную особенность, но основные «маски», отличия знала великолепно. Они же такие разные, но это был ещё один, какой-то дикий, смесь всех. Предположим, вон же бюст Петра I, но кругом кассы и эскалатор наверх к магазинам, а перрон вообще от Витебского. Остальные по мелочам, как будто кто-то, не зная темы, нарисовал, слепил, создал это место по памяти девушки. Она оглянулась, там, откуда она пришла, было светло, пригляделась к окнам, большие деревянные резные рамы не пропускали света. За окном ночь, тёмная и пасмурная, а за спиной утро, тоже пасмурное, но утро. Анечка улыбнулась, вспомнив совет любимого: «Если чего-то боишься, представь заголовки завтрашних газет, осуждающие тебя за это решение».

– Да пошло оно всё... – пробормотав сама себе, Аня очертя голову ринулась к выходу.

«Каждый вздох наносит раны,
Движение мышцы рвут,
Но сердце не верит в утраты,
И былые радости к себе зовут».

– К себе зовут... – ошеломление, удивление девушки не знало предела. Она знала эту песню, вернее, стихи, она знала, как и зачем написаны они, а главное – кем. Автором был её возлюбленный. Слёзы покатались из глаз.

«Вы были едины, всё пополам,
Даже счастье одно на двоих.
Но нету больше веры слезам,
И руны на сердце, один только стих».

– Лёшка??? – с робкой надеждой девушка повернулась.

Нет, не он. Чуть в отдалении стоял молодой человек. Его тёмные волосы, рассыпанные и чуть вьющиеся, доставали почти до плеч, а одежда была хоть и чистой, но изрядно ношенной. Он играл на гитаре, Аня только сейчас поняла, что он пел, а гитара была сравнима только с той из поезда, такая же старая и дряхлая, но звучала на довольно высоком уровне.

«Не впервые всё это было
Много лет или только вчера,
Но знаешь, зая, ничего не забыто,

Ты в душе моей навсегда».

Юноша продолжил, и наша героиня подошла поближе. Она знала, что путь не окончен и старая стерва – судьба подкинет ей сюрпризов.

«Мы помним друг друга,
Хотя не виделись тысячу лет.
Но в груди ноет натуга,
И слов не сказанных бред.

Каждый раз, даруя сердце,
Открывая душу другой,
Мы не забываем, кто был раньше,
Но спорим на эту тему с собой.

Руки режет, грудь рвётся,
Вены кипящую кровь несут.
Ведь вера никогда не сдаётся,
А кусочки сердца всё также живут».

Как случившееся не сделало её менее впечатлительной, она сама не знала и стояла в изумлении. Смотря стеклянными глазами на молодого человека, она тщетно пыталась найти знакомые черты и не могла. Даже в этом безумном мире кривых зеркал жалкий отблеск того, куда она так стреми-

лась, это был не он. Нет, тот, кто пел, и тот, кто написал, не могли быть одним и тем же человеком. Аня стояла и смотрела, а юноша стал собираться, смешно запихивать гитару в чехол поверх денег, не боясь, что мелочь поцарапает инструмент. Он не успел, двое в форме подошли, и один, взявшись за гриф, привлёк внимание юноши.

– Мы же тебе говорили, здесь люди поезда ждут, – заглянув прямо в глаза юноше, сказал милиционер, взявший гитару.

– Это вокзал, а не концертный зал! – добавил второй, он был сильно моложе и явно ещё гордился тем, что охраняет покой пассажиров, бог знает какого вокзала.

– Да я же так, пару песен. Поднять настроение всё тем же пассажирам.

– Пройдёмте, разберёмся, – чуть не выкрикнул молодой сержант, его явно раздражало промедление, и ему хотелось как можно быстрее посадить парня в обезьянник.

– А ты чего уставилась? – молодой сержант перевёл гнев с юноши на девушку. Но Аня стояла не шелохнувшись. – Пошла вон, девчонка! – приближаясь к Анне, выкрикнул он.

– Ты чего? Отстань от девушки, – вступился второй милиционер. – Может, она задержания никогда не видела. Давай быстрее собирайся, ночь у нас поспишь, – парень кивнул и с усилием всё-таки впихнул гитару в чехол. Но было поздно, молодой уже дошёл до девушки и махал ладонью около её глаз, Аня не реагировала.

– Да она шарахнутая, – как-то уж чересчур весело констатировал он, – пакуем и её.

Аня поняла, что происходит, только тогда, когда её посадили на скамейку в КПЗ. Парень сидел рядом и внимательно разглядывал девушку, милиционеры что-то писали.

– Ты кто такая? – бесцеремонно спросил парень.

– Я Аня, а мы где?

– Да нас в участок определили, меня за несение культуры в массы, а тебя и не знаю, ты им вроде наркоманкой показалась.

– А откуда ты знаешь эти стихи? Те, что пел, – в глазах девушки появилась надежда, вот он сейчас расскажет, что знает автора, и уже очень скоро она найдёт любимого, и всё встанет на свои места.

– Это те, что про «раны»? – Аня кивнула. – Да я их в сети как-то нашёл, уже и не помню где. Вроде хорошие, на музыку сразу легли, а что, ты их тоже знаешь?

Это было как удар молотом, причём не по наковальне, а сразу этак с размаху по лицу, в челюсть или висок.

– Значит, ты не знаешь лично автора? – упавшим, поблёкшим голосом спросила девушка. Ответ был уже не важен, конечно, он не знал.

Стражи порядка долго возились, что-то писали, куда-то звонили, а потом ушли, даже не подойдя к клетке.

– А они куда?

Анечка только сейчас осознала, что она вынуждена про-

вести ночь в отделении милиции, запертая в клетке с незнакомым сексуально активным парнем. Ей стало страшно, не то слово страшно, она опасалась. Всё же что бы ни происходило в жизни девушки, а та городская трусливая деваха ещё не до конца забита камнями, которые так щедро падают на голову нашей героине.

– Хм, наверно, ушли ловить нам сокамерников. Но я не уверен, что найдут. Здесь всё тихо, и дядя Егор не придирается особо, Сашка хуже – молодой и горячий.

– Дядя? Сашка? – Аня была в изумлении, – так это твои родственники?

– Нет, что ты, – юноша попятился и замахал руками, ловко сел и продолжил. – Нет, конечно же, не родня, но я часто здесь пою, когда дома сидеть неохота или душа болит, сил нет, уж луч ше песни попеть, людей порадовать, чем сидеть в подворотне и бухать на ворованные деньги.

Аня кивнула и тоже села на металлическую скамью камеры. Полумрак, странные звуки, она начинала побаиваться этого странного юношу.

– А когда общаешься с одними и теми же людьми, – продолжил он, – хочешь не хочешь, но знакомишься и узнаёшь черты характера. Тот, что постарше и с пузиком, это дядя Егор, можно так и называть, а тот, что молодой лейтенант, это Саша, мудака, конечно, но зазря бить не будет.

Аня съёжилась, а в голове так и тряслись последние слова «зая бить...».

– Кстати, я Кирилл, – он улыбнулся. – Я тебя как зовут, нам ведь здесь ночь придётся провести, это нестрашно. Но, думаю, познакомиться стоит.

– Аня, – буркнула она, отвернувшись.

Кирилл повёл лицом, на котором так и читалось «Не хочешь – не надо, я могу и молча посидеть».

Так прошло около часа, Аня зажалась в углу и сидела, закрыв глаза. Кирилл же умастился на другом конце скамейки и, вытащив руки наружу, что-то пытался сделать. Анечка открыла один глаз и прислушалась: тихо, еле слышно что-то скребло металл.

– Ты что делаешь? – Аня была насторожена и очень хотела, чтобы лейтенант и не думал что-то с ними делать, главное – с ней, конечно.

– Ключи достаю, они стол передвинули, стало сложнее, помоги, коль проснулась.

– Я и не спала, – бурча себе под нос, Аня подошла к Кириллу и увидела, что простым крючком и леской он умудрился сбить ключи со стола и протащить около метра по полу. – И что мне делать?

– Как что? Ты не рыбачила? Закидываем крючок и подтягиваем, помоги, руки устали.

Аня взяла крючок и швырнула. Он был слишком лёгким и далеко не летел, она попробовала ещё раз, результат тот же. Спустя полчаса у них были ключи, правда, к крючку пришлось привязать шнурок в узелках, чтобы хоть как-то доки-

дывать до ключей, но главное дело было сделано – они открыли клетку.

– А что дальше? – Ане не терпелось уйти.

– Ну как... – Кирилл замешкался. – Берём свои вещи и...

– Уходим? А куда?

– Нет, уходить нельзя, это уже побег из-под стражи, берём вещи и коврик, а потом обратно в обезьянник.

– Зачем?

– Чтобы наутро уйти спокойно. Тебе есть где ночевать?

– Нет, – Аня задумалась. – Думаю, нет.

– Ну вот, меня тоже домой не пустят в такой час, так что берём коврик, я на нём лягу, а ты на нарах поспишь, они жёсткие, но не так холодно.

Они сгрести со стола все вещи, их просто отняли, даже досмотр не устраивали, и вернулись в камеру. Там Кирилл постелил коврик, сложенный в четыре раза, и улёгся на него, потом резко вскочил и, выйдя из клетки, стал рыться в столе.

– Ты что делаешь? – испуганно чуть не закричала Аня.

– Тихо, здесь свечи где-то есть.

Он достал огарок и зажигалку, подпалив фитиль, свеча долго не хотела разгонять мглу, и они так и сидели в полумраке, в отдалении друг от друга, но вместе смотрели на колеблющееся пламя свечи. Аня думала опять о том, что, может, это она сошла с ума? Может, всё это настоящее и только она фальшивая? Убежала от родной бабушки, ведь она её смутно, но помнит. Обдурила всех в поезде, психует на

каждом углу. И куда привело её безумие? Она сидит в КПЗ, нарушая закон, с открытой дверью в метре от незнакомого парня, а что будет утром, она не знала. Но ведь должно быть что-то настоящее? Как говорил тренер: «Спокойствие, только спокойствие», – а нет, это Карлсон так говорил. Вспомнив относительно маленького летающего толстячка, Анечка улыбнулась, в голове так и звучал голос Ливанова, пародирующего Рошала, хотя это уже не наше дело... А героиня наша удалилась в воспоминания. Ей вспомнился тренер, и как они подъезжали к городу...

Уже виднелись первые дома, ещё маленькие, неказистые, но чувствовалось приближение города. Аня стояла напротив своего купе и смотрела на «рождающийся» город, тихий перестук колёс и странный дождик, казалось, город плачет. Тихо подошёл тренер, встал с другого конца стекла и тоже стал любоваться, думать о своём.

– Знаешь, когда я был совсем молодой, я часто приезжал тогда ещё в Ленинград и любил гулять под дождём, он здесь уникальный, – он посмотрел на девушку, она кивнула, говорить после вчерашнего было ещё больно. – Я был и в Лондоне, и в Тайване, нигде нет такого дождя, как в Петербурге. В Лондоне туман, розовый, но туман, в тропиках просто ливень, а в Петербурге город дышит, и всегда можно понять, он умывается или плачет, радуется или издевается. Ах да, когда я был в твоём возрасте, я услышал одно стихотворение, и оно мне запало в душу. Хочешь, прочитаю? – он с ин-

тересом посмотрел на девушку, Аня радостно улыбнулась, и тренер начал.

«Я покидаю тебя, Питер,
Я за Урал, меня в Сибирь,
Нет, ничего ещё не сделал,
Я еду покорять России даль.

Мой поезд мчит меня отсюда,
От берегов гранитных вдаль,
Слеза, скользнув, я стукну дверцей,
В купе запрусь, как мне жаль.

Как грустно плакать на чужбине,
На кладовой сидя Руси,
Просто надо, и отныне
Дом ждёт меня вдали.

Я уезжаю, моя столица,
На пять годков, держись, родной,
Ведь сам хотел, чтоб научиться,
Набраться опыта и стать умней.

Мой Питер, как нам врозь?
Я нарисую Невский на котельной,
Чтоб на работу, как домой,

Мой город, не хмурься, брось.

Бросай дела, бросай Европу,
Россией надо, рódный, жить,
Бросай Москву, да её в...
Ведь надо родину любить.

Ну всё, черта, и область
Я буду долго вспоминать.
Но в ноги памяти не брошусь,
Ведь ты мне вышел помахать.

Ты мне блестел с дождливой крыши,
Меж туч слезу метнул,
Мой город на ногах засохшей жижей,
Не отпуская, ко мне прильнул».

– Не самые лучшие стихи, но чувствуется, что автор хотел сказать и что сам чувствовал.

Проводница подсказала, что до прибытия осталось совсем мало времени, и они двинули к выходу.

– Ребята хотели тебя проводить, да я не разрешил, у них старты скоро, – мужчина чуть замялся, он почему-то чувствовал, что сделал что-то не так. – Короче, вот, – он протянул маленький рюкзачок, – мы пустили его по кругу, и каждый положил что не жалко, я тоже кидал, – он протянул дет-

ский рюкзак, маленький, как игрушечный.

Поезд тряхнуло, и проводник сбросила ступеньки.

Аня подошла к мужчине, чуть привстала на цыпочки и обняла его за мощную шею.

– Спасибо вам, если бы не вы и ваши ребята, то я бы, наверно, не доехала. Спасибо, – тихим и хриплым голосом Аня всё же сказала, что кричало сердце.

Проводница укоризненно посмотрела на них и показала на часы, Аня резво выпрыгнула из вагона и, сделав шаг назад, увидела пять голов, торчащих из открытого окна: вся команда, пренебрегая указаниями тренера, всё же старалась проводить её. Она быстрым шагом подошла к окну, и ребята оживились, но стоило только им начать говорить, как поезд тронулся, и шум колёс заглушил всё, что они говорили, но Аня ускорила шаг и, закрыв глаза, закричала хриплым и сорванным голосом: «Спасибо вам, порвите всех на стартах». Горло зажгло, сухость и першение заполнили собой всё, Аня остановилась и, согнувшись пополам, закашляла. Но её старанья были не впустую, перебивая шум колёс и крик тренера, вошедшего в купе, девушка услышала хор из пяти голос: «Порвём». Аня перешагнула через рельсы и пошла на вокзал...

Аня тряхнула головой, воспоминание потихоньку рассеивалось, но она теперь улыбалась. Подняв себе настроение, стоило теперь подумать и о том, что происходит, прикинуть варианты, что ли. А есть только два варианта: или она свих-

нулась, или этот мир преподаёт ей урок и реальность искривилась под ней. М-да, одно реалистичнее другого, как там, у «Тараканов»: «Кто-то из нас двоих точно сошёл с ума. Осталось лишь определить, весь мир или я». Вот тебе и изменчивый мир по Макаревичу. Аня улыбнулась ещё шире, ведь если так посмотреть... Она не голодна, жива, здорова, хотя бы физически, Кирилл даже не покушается на неё, да и в принципе всё понятно. Надо поутру ехать домой. Но как заснуть, когда по внутренним часам только день?

Кирилл тихо вжался в стену и что-то напевал себе под нос, ему, в отличие от девушки, спать хотелось, и он, закрыв глаза, твердил слова, всё медленнее и медленнее, всё чаще сбиваясь с ритма, и вскоре заснул. Аня подошла к свече и задула её, светленький дымок потянулся вверх и растаял. Девушка тоже решила попробовать заснуть, на удивление это почти получилось.

Глава V

Утро настало мгновенно и резко. Стук дубинкой по решётке и крик.

– С добрым утром, рецидивисты и хулиганы! – это верещал молодой Саша. – Вы мне надоели, пошли вон и вещи заберите.

Кирилл толкнул Аню и быстро взял гитару, а свободной рукой потащил коврик обратно, где он и лежал с вечера. Саша наступил на край, и Кирилл запнулся, но стоило только появиться дяде Егору, как все издевательства закончились.

– Александр, не корчите из себя придурка. Что о нас девушка подумает, – беглый взгляд на Анну. – Она же у нас впервые, хотя, надеюсь, и в последний раз в качестве задержанной.

Старший из правозащитников подмигнул девушке и, подойдя, погладил её по голове.

«Нет, это больной мир, нереальный. Где это видано, чтобы ментяра задержанного ласкал?» – быстро, как пуля, как удар милицейской дубинки в привычном мире, пронеслось у Ани в голове, на публику она только улыбнулась.

Они быстро собрались, и уже в дверях Аня обернулась в последний раз посмотреть на то место, где пришлось спать, и обиталище этих двух, как будто списанных со стереотипа, право обладающих правозащитников. Кирилл вёл за собой,

он знал вокзал как свои пять пальцев, хотя нет, как гитару, уж там-то он точно каждый миллиметр пространства знает, а на руках и прыщики неожиданно выскакивают. Механически следуя за юношей, Аня могла дать волю мысли, оглядеться, освоиться. Вокзал всё же не был похож ни на один из знакомых, вернее, ещё забавнее, первое ощущение сохранилось, он был смесью всех вокзалов Петербурга, причём смесью дурной, халтурной – то там, то ещё где проскальзывал «комок», и, стоя там, можно было с уверенностью сказать, откуда «сплагатили». Они подошли к массивным деревянным дверям, старые шарниры скрипели от натуги, а толпы открывали их, и почти каждый хотел захлопнуть несмотря на тех, кто шёл за ним. Сколько народу побывало до них в этом странном КПЗ? Эти старые двери напомнили ей решётку: столь же старые и так же легко открывающиеся. Вправо и влево, внутрь и наружу, добрый полицейский, злой полицейский, молодой и старый, слияние чёрного и серого, не назовёшь же белым и пушистым того, кто тебя вчера скрутил и запер в клетке, потом правда пропал на всю ночь, и клетка закрыта толком не была, но всё равно. Всё уж как-то слишком не привычно, как-то контрастно, как снимки в негативе, может быть, хорошие и качественные, но ещё недоделанные. Задумавшись, девушка чуть не налетела на дверь, но Кирилл успел подставить руку и удержать сотканную из металла и дерева преграду.

– Осторожней, сударыня, дверка, сударыня, – с улыбкой

полупропел, полупрошептал молодой человек.

«Бард всегда остаётся бардом», – подумала Аня, но вслух этого говорить не решилась, только улыбнулась.

Они вышли на просторную площадь, пели птицы и таяли сугробы. У Ани округлились глаза. «Да какого лешего происходит??? Почему весна??? Позавчера была осень, вчера лето, а сегодня весна? Время вспять, крыша – пока». Анечка, удерживая нервный смех, только улыбнулась.

– Тебя куда подвезти? – Кирилл бросил беглый взгляд на девушку и не смог оторвать взгляд: только что рядом стояла вменяемая особь, а теперь безумные блестящие глаза и кривая улыбка маньяка. – Всё нормально?

– Ага, – Аня старалась скрыть удивление и добавить жизнерадостности. Вот только она кивнула и ещё шире улыбнулась.

Кирилла передёрнуло, единственная ассоциация, что возникла, – это как педонекрофил с наклонностями к зоофилии и садомазохизму поймал свою жертву и довольно улыбается в предвкушении. Юноша ещё раз взглянул на девушку, но она уже отошла от шока и просто стояла, увлечённо рассматривая город.

– И куда едем? – Кирилл попробовал забыть впечатление и расслабиться.

– Подводника Кузьмина, 43, я могу и на метро доехать, если не по пути.

– Хм, давно я в тех краях не был. Ну ничего, пулей домчу,

здесь недалеко, а дорогу ГЛОНАСС подскажет.

Стоянка была символической, ведь если человек уезжает далеко, зачем ему машину здесь оставлять. Кирилл подошёл к маленькой двухцветной машинке, достав из кармана ключи, нажав на кнопку, он не только снял с сигнализации, но и завёл её, мало того, двери открылись наверх.

– Твоя? – уже стараясь не удивляться, спросила Аня.

– Да, – не без гордости подтвердил юноша. – Мой «ёжик», – Кирилл погладил машину по крыше.

Они сели, и двери плавно закрылись.

– Слушай, если у тебя такая крутая машина, зачем же ты на вокзале поёшь? – кресло было удобным, спортивным, Аня вальяжно развалилась в нём.

– Я не всегда на вокзале пел, больше скажу, я и пел-то не всегда, – Кирилл протянул квиток парковщику, и они выехали со стоянки. – Эх, когда-то у меня были родители, работа, квартира своя... – Кирилл грустно вздохнул, посмотрел на перекрёсток и ловко вырулил в поток.

– А что случилось? – с неподдельным беспокойством спросила Аня и еле удержалась, чтобы не погладить юношу.

– Да нормально всё, – Кирилл улыбнулся и посмотрел на Аню чуть виновато. – Нормально, даже хорошо, родители живы, работа есть, машину купил с зарплаты, ну как купил, кредит ещё два месяца выплачивать.

– Ладно.

Аня больше не желала говорить: «Ну этого чокнутого вме-

сте с его роскошной машиной, кредит он взял, конечно, так я ему и поверила».

Они мчались по городу, он был знаком Ане, странно не знать города, в котором родилась и выросла. Если улицы и были перемешаны, то так тщательно, что Аня не замечала. Ей было всё равно, это её город, её земля, и никакая сила не вправе менять привычное.

– Я включу музыку? – Кирилл мельком глянул на девушку и снова стал следить за дорогой.

– Твоя же машина, я всё равно не знаю, как это делать.

Кирилл не глядя протянул руку к большому монитору, тот был сенсорным, слегка стукнув, «ожило» меню.

– здесь больше полутора тысяч песен, но есть меню с поиском, там можно скачать любую из интернета.

– Да что у тебя за машина-то такая? Не вяжется пение на вокзале и крутая тачка.

Кирилл тихо рассмеялся.

– Спасибо за крутую тачку, – он довольно улыбнулся, подавив смех, – машина под маркой «Ё» стоит не так уж и дорого, всё, что ты видишь, – это за 490 кусков, двери и интерфейс-борт компьютера – моя работа. Мне повезло, первым купившим – спортсидения в подарок, – Аня плохо разбиралась в машинах, но про скандальную марку она слышала. – Прямо с конвейера её взял, залил канистру бензина и через весь город домой, – он больше чем любил эту машину, он ей гордился. Аня на протяжении всего пути так и не увидела

такой же.

– Ну что? Нашла песню или я могу чем помочь? Не стесняйся, ищи через сеть.

– Да нет. Выбери сам. Мне всё равно какая.

Юноша так же привычно потянул руку и, нажав две «кнопки», провозгласил:

– Случайный поиск, пускай случай решает за нас.

Раздались бодрые барабанные ритмы и мощный гитарный рифф.

– О, что-то весёлое, – Анечка заулыбалась и откинулась в кресле, вытянула ноги.

– Ага, щас. Весёлое, – саркастически буркнул юноша и крепче взялся за руль.

Звук лился отовсюду, заполнял пространство и усиливался сабвуфером из багажника. К музыке добавились слова, и Аня чуть привстала.

«Шёл в атаку яростный сорок первый год,
У деревни Крюково погибает взвод,
Все патроны кончились, больше нет гранат,
Их, живых, осталось только семеро молодых солдат.
И живых осталось только семеро молодых солдат».

Аня выпрямилась и села как по уставу, ровно держа спину, игнорируя мягкое анатомическое кресло. Кирилл сидел, скорбившись и серьёзно глядя на полупустую дорогу.

«Лейтенант израненный прохрипел "Вперёд",
У деревни Крюково погибает взвод,
Но штыки горячие бьют не наугад,
И живых осталось только семеро молодых солдат,
Их, живых, осталось только семеро молодых солдат.

Будут плакать матери ночи напролёт,
У деревни Крюково погибает взвод,
Не сдадут позиции, не уйдут назад,
Их, живых, осталось только семеро молодых солдат,
И живых осталось только семеро молодых солдат».

Аня чуть наклонилась вперёд и, поглаживая волосы, смотрела на обочину.

«Отпылал пожарами тот далёкий год.
У деревни Крюково шёл стрелковый взвод,
Отдавая почести, замерев, стоят,
В карауле у холма печального семеро солдат,
В карауле у холма печального семеро солдат.

Так судьбой назначено, чтобы в эти дни
У деревни Крюково встретились они,
Где погиб со славою тот бессмертный взвод,
Там шумит, шумит сосна высокая, птица гнезда вьёт.

Там шумит, шумит сосна высокая, птица гнезда вьёт».

Трек кончился, и Кирилл как можно быстрее выключил звук, рискуя потерять управление, сделал он это двумя руками. Но Аня бы всё равно не заметила бы, она думала о своём, о том, что знают только эти бесконечные поребрики и тротуары.

– А знаешь, у меня дед воевал, он ещё маленьким был, убежал из дома и в партизаны. Почти до Берлина дошёл через три фронта, и не одного серьёзного ранения, – тихо, как сам для себя, сказал Кирилл, и глаза его заволокло белой кашцей.

Аня сидела и так же смотрела в окно. Они проехали перекрёсток и уже были в нужном районе. Кирилл переключил экран на карту.

– Так не должно быть. Я не про войну, я вообще про убийство. Жить надо в мире, в ладу со всеми, наверно, только так и можно жить. А эта злоба, она всё равно ни к чему хорошему не ведёт, да и примитивно всё это. Жизнь, она такая непостижимая, а если разобраться, то всё просто.

– И в чём же смысл жизни?

– Я свой только ищу, но всё сводится к двум вещам. Это или материальность, или духовное. Третьего не дано, или зло, или добро, земля или небо. Есть три пути: разрушение, созидание и создание. Зло всегда ведёт к злу, а добро – к

добро, созидание – к знаниям. Человек свободен в выборе, но неизбежно идёт по одному из трёх путей. Есть один человек, уважаемый человек, боевой офицер, прошёл Афган, семья, дети, вроде должен понимать ценность жизни. Ребёнок уговорил на котёнка, разрешил, взял ответственность. А спустя какое-то время котёнок написал ему в фуражку. Он молча взял его за шкурку и выбросил в окно с семнадцатого этажа. Что, это нормально? Так правильно? – Аня посмотрела на юношу. – Мерзавец, гнида, ноги бы ему переломал.

Глаза водителя наполнились праведным гневом, и Анечка поспешила его успокоить.

– Хорошо всё закончилось, если можно сказать так... Но кара его постигла и за котёнка, и скорее ещё за какие грехи, посерьёзнее. Жена от него ушла с детьми, а он спился, теперь бомжует где-то в Москве. Всё равно так неправильно, – уже чуть успокоившись, добавил юноша.

– Всё зависит от того, осознаёшь ты свои действия или нет. Знание того, что последует за твоим шагом, предотвращает многие шаги. Вот ты кем всё же работаешь?

– Чертежи на компе делаю, но больше бомблю.

– Вот представь, спросили у тебя, когда «клиент» рядом? – Кирилл попытался ответить, но Аня остановила его жестом, – это риторический вопрос. Вот если ты ответишь «Машину веду», – водитель еле заметно кивнул, соглашаясь. – То это плохо, это... как её там... Гуна невежества, ты мелочно делаешь своё дело, и всё. Если ты ответишь «Деньги

зарабатываю», – Кирилл чуть искривил лицо, допуская такое, – то это гуна страсти, ты работаешь для себя, за деньги, это не так уж и плохо, энергично и востребовано в современном мире. А вот если ты ответишь «Человека домой везу», – юноша чуть усмехнулся, – то это самое хорошее, ты делаешь добро. Не думая ни о вознаграждении, ни о том, что непосредственно ты делаешь. Ну как-то так. Но так во всём, что бы ты ни делал. Я, наверно, плохо объяснила, но суть верна.

– Только эти три варианта? И никак иначе?

– Есть четвёртый, но он крайне редкий. Это когда любое действие во имя Бога, для Бога и по воле Бога. Я таких людей не знаю, кто так реально постоянно думает. Это недостижимый идеал, что ли.

– Вначале два варианта, потом три, а сейчас четыре. Это как? Кстати, мы почти приехали.

– Вижу, – Аня улыбнулась. – Я же говорю – всё просто. Две стороны, три пути, четыре образа решения дел. Если так углубляться, то можно дойти до бесконечности. Но всё всегда сводится к простым и понятным вещам, или так или иначе одно из двух – чёрное и белое, свет и тьма.

Проводник мягким женским голосом провозгласил: «Вы достигли своей цели». Машина мягко затормозила, и Кирилл убрал руки с руля.

– Что же, сегодня я точно сделал хорошее дело. Отвёз тебя домой, не задумываясь о выгоде, да и о себе вообще, – Кирилл повернулся к Ане и широко, от всей души улыбнулся.

– Добро возвращается и быстрее зла. Спасибо тебе большое, возможно, мы ещё встретимся, и я смогу тебе помочь, так же, как и ты мне, мир тесен, особенно этот, – Аня поняла, что говорила правильно, но вот последнее могла бы и утаить, постаралась быстрее выйти из машины и уйти.

Глава VI

На улице шёл мелкий дождик, талый снег, превращаясь в весёлые ручейки, тёк повсюду. Обходя особо большие лужи и стараясь избегать сугробов, Аня подошла к парадной. Поглаживая карман, она осознала, что ключей нет и быть не может, она даже квартиру той милой старушки не закрывала, выбежала, схватив лёгкую курточку, и смылась по улице куда глаза глядят, она бодро перепрыгнула через ручеёк и встала около двери своей парадной. Дёрнула, закрыто, этого и следовало ожидать. Дверь как-то повлияла на неё, звонить в домофон не хотелось, вдруг ответят. В смысле она услышит родной голос и сорвётся, заверещит: «Мамочка, папочка, это я – доча ваша, из деревни, вестимо, снегом талым на головы ваши», – нет, лучше подождать, рано или поздно кто-то же откроет эту дверь, и она прошмыгнёт. Чуть расстроившись, она отшагнула от неприступной двери, рядом была скамейка, вырванная из земли снегом, но всё же стоящая крепко, на неё Анечка и села. Откинувшись на спинку, ей что-то мешало, она чуть подвинулась, мешает в том же месте, Аня провела рукой по спине.

– О, рюкзачок, я и забыла о нём, – Аня расплылась в улыбке, – эх, жизнь-паскуда, ты налаживаешься!

Аня сняла рюкзачок и расстегнула маленькую пёструю молнию, та с неохотой поддалась, и, открыв нутро рюкзака,

Аня увидела несколько записок и пакетик, протянув руку и достав комканый полиэтиленовый пакет, она развернула бумажку.

«Мы с ребятами долго спорили, но так и не придумали, что тебе положить, вот и кинули, что смогли. У тебя есть плеер, но почему-то нет наушников, теперь они у тебя есть, мы не знаем, как у тебя с деньгами, мы с ребятами скинулись и положили, что смогли, и Даня настоял, чтобы ты нас не забывала, положить тебе наш брелок, он с фонариком, так что даже он может пригодиться», – дальше шла черед подписей, но крупнее всех, заметнее была «Артём». Анечка улыбнулась, первый и последний человек, которого она узнала в этой команде, такой же странный, но добрый человек, с большим по-настоящему человеческим сердцем. Открыв пакет, она увидела и маленькие капельки наушников, и большой брелок в виде полудракона, полувывдры, а может, это вообще была белка-летун, Ане было не столь интересно, обнаружались и деньги, с мелочью и бумажками набралось пяти сотен рублей.

– Эх, ребята, как же я с вами рассчитываться буду? – Аня улыбнулась и твёрдо для себя решила, даже несмотря на то, что с ней приключилось, ей везёт, и если судьба – старая и стервозная гадина, то она такая же выдра-дракон, страшненькая, но где-то в глубине, там, где батарейки, добрая и милая. Аня хлопнула себя по коленке – хватит соплей, пора старой белке в пасть заглянуть, а если надо – и голову сло-

жить.

И твёрдо повторяя «за Родину, за Сталина», правда, в её интерпретации это звучало как «за прошлое, за Лёлика», она смело шагнула к двери то ли бывшей, то ли ещё своей парадной. Талый снег разлетался у неё из-под ног, автомобили притихли, и птицы прислушивались к громовым шлёпаньям её кроссовок по мокрому асфальту. Она гордо подняла руку и положила на ручку, дёрнула, ещё сильнее, дверь заскрипела. Что может противопоставить молодая хрупкая девушка силам магнитного притяжения, питаемым электросетью дома? Да ничего она не может, домофон держал дверь намертво. Аня поднесла уже палец, чтобы набрать номер квартиры, но вдруг вспомнила, почему она этого не сделала раньше. Весь энтузиазм куда-то испарился. Оставалось ещё чуть-чуть, и она повернёт обратно на скамейку или вообще уйдёт, но сверху раздался звук шагов, кто-то спускался. Аня напряглась и прислушалась: кто-то ритмично спускался, она подошла к двери, и как только оттуда выскочил молодой человек, она проскочила внутрь, юноша стремительно убежал. Аня хмыкнула и стала подниматься, до своего этажа она поднялась быстро и чуть не проскочила свою же дверь, обивка была другой. Она постояла мгновение и нерешительно нажала на звонок. В голове метались мысли, как бы себя повести? Кинуться на шею родителям или стоять с лицом в виде запечённой глины? Вот если что-то представить, красочно и чётко, то это случится либо в точности, как представил, или

прямо обратно представлениям, ей не открывали.

– Эх, белочка? Что, другого придумать не могла? – наша героиня подняла голову к потолку и попробовала поговорить то ли с Богами, то ли с судьбой. – Это у меня белочка. Хватит фигнёй страдать, ведёшь себя как малолетняя дура, собраннее надо быть, – укорила себя девушка и потянулась к звонку.

Но не успела девушка докоснуться до заветной кнопки, как с той стороны ответили.

– Кто там? – голос был похож на мамин, но уж слишком молодой.

– Это Анна, – зачем-то представилась девушка.

– И что с того, а я Катя.

– Катерина Владимировна, 1976 года рождения... – Аня стала вываливать всю информацию, что знала про мать, когда простые сведенья кончились, она запрокинула голову и закрыла глаза, рассказывая о бабушке и дедушке.

– Очень оригинально, вы что, по памяти это?

Аня открыла глаза, удивилась, а только потом вернула голову в более привычное положение. Перед ней стояла мама, её любимая и родная мама. У Анечки стали подкашиваться ноги. Вот только её мама раньше была... старше, что ли. А сейчас перед ней стояла мать с фотографий, чуть старше её самой.

«Увижу Бога, морду набью», – подумала Аня и широко улыбнулась.

– Вы проходите, всё равно знаете много чего про меня, вот только я вас не помню. Мы знакомы?

– Я твоя дочь!!! – чуть не закричала Аня, а вслух, через силу сухо сказала. – Сейчас разберёмся.

Дверь за Аней закрылась, она по памяти, не глядя убрала вещи в шкаф и проследовала в ванную сполоснуть руки, как мама научила.

– Вы здесь уже были? Я вас точно не знаю, – уверенно начала Катерина Владимировна.

– Давайте пройдем на кухню, я вам всё расскажу, а там и решим, выгоните меня или ещё чего. Уже сейчас могу сказать, что ничего плохого я не замышляю и вреда вам от меня не будет, – Аня и сама опешила от такой сухости и серьёзности речей.

Она быстро вытерла руки о полотенце, оно же, как обычно, висело. Пройдя на кухню, Аня шла первая, показывая дорогу, а заодно и смотря, что изменилось.

На кухне она быстро налила в чайник воды и поставила фильтроваться новую, достала любимую мамину кружку, попутно удивившись, что она не только стоит на месте, но и вообще есть в этом варианте реальности. Достав чай, который папа привёз несколько лет назад из-за границы, и уже собираясь насыпать его в заварочный чайник, у Екатерины Владимировны не выдержали нервы.

– Кто вы? Я уже поняла, что вы здесь как у себя дома, я требую разъяснений, – срываясь на крик, чуть привстав,

потребовала она.

– Вы, – Аня это подчеркнула, всё же насыпая чай в чайник. – Уже почти сами всё сказали, я здесь не как дома, я и есть дома, – Аня подняла руку, опережая очередной срыв матери. – Я, Екатерина Владимировна, ваша дочь.

Женщина ни разу не поверила и уже спокойнее наблюдала за манипуляциями незваной гостьи в холодильнике.

– Я знаю, в это очень сложно поверить и несложно догадаться, что вы меня не только ни помните, но и не можете помнить, я для вас никогда не рождалась.

– У нас с мужем нет детей, вы правы. Но мне интересно, откуда вы всё это знаете, не только то, что говорили на лестнице, но и обстановку в квартире.

– Я ваша дочь, ты моя мама, я родилась и выросла в этой квартире, я знаю здесь каждый уголок, каждую трещинку и про вас с папой знаю всё. Что может знать ребёнок про родителей.

– Придёт муж, там решим, – Екатерина заколебалась. – Как, говорите, вас зовут?

– Анна.

– Я вам верю, Аннушка, – Екатерина Владимировна проверяла. А Аню так называла только мама, и она была готова разметать всё, что было на столе, и прыгнуть на шею к матери, расцеловать её.

Когда пришёл папа, Аня опять заварила чай и по второму кругу стала рассказывать всё, что знала, вначале про мать,

потом про отца, а когда она видела сомнение в его глазах, то про их с мамой брак. Всё, что знала, всё, что помнила.

– Что вы хотите от нас? – папа был непреклонен и в мистику не верил.

– Я ваша дочь, проснулась в другом месте, ехала сюда...
– начала Аня, но мужчина её прервал.

– Всё это мы слышали, что вы хотите, чтобы мы сделали? Допустим, вы наша дочь, но, как вы сами сказали, из другого... – он запнулся.

– Из другой реальности, – поправила Аня, и ей самой казалось, что формулировка притянута за уши.

– Пусть будет другой реальности, но что вы хотите? Что мы можем сделать? Дать вам денег или поселить у нас?

– Я не знаю, – Аня только сейчас поняла, что и сама не знает, чего хочет. Ей нет места в этом мире, в мире, странном и непривычном, мире кривых зеркал для неё и неисправимой истины для обитателей этого мира.

– Подумайте, мы вас не гоним, и я, как глава семейства, допускаю, чтобы вы пока что пожили у нас, пока не найдёте работу. Насколько я помню, прописка у вас есть и именно у нас в квартире, так что здесь проблем нет, – он сделал паузу, раздумывая, что ещё можно сделать. – Мы с женой можем дать вам денег, в долг, практически на таких же условиях. Решайте, Аня.

– Я попробую съездить к Лёше, может, там что получится.

– Езжайте, – мужчина властно встал из-за стола и вышел

с кухни.

Аня встала за ним и пошла в коридор, её догнала мать.

– Если и там ничего не получится, возвращайся, я чувствую, ты говоришь правду, ты можешь быть моей дочерью.

Аня быстро оделась и вышла на лестничную площадку, холод ударил ей в лицо, а за спиной залязгали замки. «Морковка», ключ, засов, с той стороны закрывались на всё, что было. Аня медленно пошла по лестнице вниз, обратно на улицу, возвращаясь в неизвестность на поиски того, чего, возможно, уже и не существует.

Глава VII

Вагон нёсся вперёд по глухому туннелю, в будний день днём народу было немного. Анечка сидела погружённая в свои мысли. Глядя на пассажиров, она старалась ни о чём не думать, глаза стали слипаться.

«Эй, это ещё что за закидоны? – внутренний голос почему-то был против. – Аня, встала и бегом, пока двери не закрылись!» – продолжал он.

Аня вскочила и выбежала из вагона, расталкивая людей и бормоча:

– Депрессии мне только не хватало, всё только начинается.

А всё уже шло к концу, и можно было расслабиться, в том смысле, что время текло быстрее, чем яблоко падало на голову Ньютона. Аня незаметно для себя прошла переход и ждала поезда. Оглянувшись, вокруг опять было предостаточно народу, и откуда они берутся. Сев в поезд, девушка решила, что пускай будет, что будет, и закрыла глаза.

– Конечная, вставай, – незнакомый женский голос тронул сознание, а не более знакомая рука тянулась к её плечу.

– Вижу, – с трудом проглотив слово «отвянь», Анечка резко открыла глаза и как ни в чём не бывало пошла на выход.

Только поднявшись, минуя длинный эскалатор, Аня вспомнила, на какие чудеса способен этот мир. Нет, погода

была всё так же отвратительна, этакое раннее лето, очень раннее, а дождик вообще напоминал март. Но Аня не обращала на него внимания, дома были другие, ничего похожего с тем, что она помнила. Да, она не особо любила этот район, пылко горя патриотизмом к своему дому, но выйти в абсолютно незнакомом месте – это слишком.

Подошёл автобус, вроде бы нужный, и Аня села в него хотя бы ради того, чтобы поехать и не стоять у всех на виду, глаза на многоэтажки: «Подумают ещё, что я убежала из деревни и только вчера приехала в мегаполис». Аня смотрела и думала, думала и смотрела в одну точку. Когда она там домой из того городка убежала? «Блин, вчера вечером! Да хрен вам всем! Я городской житель, родилась и выросла здесь! Мой город Питер, нет, Санкт-Петербург, столица великой и непобедимой Российской империи! Так и только так, я лучше машину в выхлопную трубу поцелую, чем корову доить буду!» Аня резко остановилась в размышлениях, чувства зашкаливали, и девушка это чувствовала. Она улыбнулась, вспомнив праздник на площади, не так уж там было и плохо, даже лучше, чем на «Парусах», к примеру. Анечка стояла и вспоминала лазеры, бьющие в свинцовое небо, и пироги, ещё тёплые после печи, хруст стекла под ногами на Невском и огромный хоровод на площади, спящего на урне упитого в хлам вчерашнего школьника и звонкий смех девушки, которая вытацила её танцевать... Аня сидела, положившая голову на стекло окна, и улыбалась, она летала из

ночи пьяного алкоголем города в пьяный смехом и радостью городок. И самое удивительное: ей и там, и там было хорошо. Но всё же Петербург – её дом, отец России, её родина, и за него, прежнего, стоит сражаться, за её родной и любимый город. А может, она хочет всё вернуть, потому что не город был так хорош, а люди, что её окружали? Хорошо, не все, но её жених тоже там и родители там, значит, и её место в маленьком и уютном пятимиллионном городке.

Аня смотрела в окно, и кондуктор, подошедший к ней, удивил её тем, что это конечная. Девушка оглянулась и, извинившись, вышла. Мелкий дождик сразу же начал капать из знаменитого свинцового неба великого города. Улыбнувшись, Анечка пошла по знакомому маршруту, дома здесь были почти те же, что и были, как она их помнила. Пройдя дворами и увидев нужный дом, Аня с удивлением заметила, что нужная парадная открыта настежь. Внутри сильно пахло краской, укрывшись от запаха в лифте, она несколько секунд вспоминала этаж.

Дверцы открылись, и всё встало на свои места – этаж был нужным, и желанная дверь была перед ней. Звонок висел на старом месте, но нажимать было страшно, неизвестность давила и пугала, это было последним сучком, за который могла ухватиться наша героиня. Шли минуты, а Аня стояла перед дверью в нерешительности. Но дверь зашумела, защёлкали замки, и врата в неизвестность отворились. Аня отшатнулась назад, из дверей вышла старушка с ведром и внимательно,

даже удивлённо воззрилась на девушку.

– Здравствуйте, – только и смогла вымолвить Аня.

– Анечка, а чего ты здесь? Только приехала? Что-то случилось? Почему одна? – Аня опешила от количества вопросов и не знала, как ответить. – На вот, помоги, а я тебе чаю сделаю, – и старушка протянула ведро с мусором. – Мне как раз Лёшка вкусный привёз, – и с этими словами она удалась обратно в квартиру.

Аня быстро вспомнила, где в этом доме мусоропровод, и выполнила поручение, ей хотелось выкинуть мусор прямо на лестницу и уйти, но упоминание родного имени, да и то, что её сразу узнали, заставляло подчиниться. Невеликий же труд – мусор вытряхнуть. Возвращаясь, девушка старалась вспомнить, как же зовут предполагаемую свекровь, события последних дней всё выбили из памяти.

Вернувшись, она поставила ведро на место – туда, где оно стояло на её памяти, и стала разуваться, но появившаяся старушка отвлекла её, протянув несколько бумажек. Это были квитанции на оплату квартиры, Аня быстро прочитала адрес и имя владельца, пока хозяйка отвернулась. Там были только инициалы, но и этого хватило, чтобы вспомнить имя и отчество.

– Так чего ты одна? – Эльвира Васильевна стояла в маленьком коридорчике, ведущем на кухню.

– Поговорить нужно, вот и одна, – стала импровизировать Анечка.

– Чай готов, тебе горячий и без сахара, я помню, – свекровь улыбнулась и пошла на кухню.

Свет на кухне включён не был, но там и так было светло от слабой лампочки в вытяжке и подсветки огромного телевизора во всю стену. Ещё на кухне был маленький столик и холодильник, это Аню не удивило, как телевизор или огромное кресло хозяйки квартиры, в которое она и села, стоило только Ане появиться на кухне.

– Присаживайся, чай на плите, табуретка под столом, да ты и так всё знаешь. Ну что, опять поссорились? А я тебе говорила – мягче надо быть. Рассказывай, – и она замолкла.

Аня налила себе чаю, оттягивая время, чтобы собраться с мыслями, но, сев и сделав первый глоток, поняла, что ждать-то нечего, и начала свой рассказ. Как она проснулась и как ехала в автобусе, женщина, похоже, вообще прослушала, смотря телевизор, а когда Аня дошла до поезда, стала прислушиваться, часть с КПЗ повлияла на неё вообще странно – вероятная свекровь выключила звук и спросила о возрасте парня. Но всё равно чуть позже, когда Аня говорила про то, как шла к своим, моменте сквозном и по сути неважном, женщина остановила девушку и выдала свой вердикт.

– Я сейчас позвоню сыну, пускай сам разберётся со своей женой, я-то тебе чем помочь могу? – Аня пожалала плечами. – Ну вот. А если чем могу, так говори. Не молчи до последнего, как обычно.

С этими словами она достала старенький мобильник и вы-

шла в коридор. Но через несколько минут вернулась.

– Сын будет через час или полтора, так что можешь успеть ещё и поесть, у меня и макароны есть, и греча.

– Да, нет, спасибо, я у родителей поела.

– Брезгуешь, – женщина пристально посмотрела на девушку. – Хоть бутерброд себе сваргань, чего голый чай хлебнешь, невкусно же.

Аня вымученно улыбнулась и положила сыр на хлеб, све-кровь посмотрела, хмыкнула и села в своё кресло, сделав телевизор громче.

Спустя половину концерта мало разумных горе-комендантов по одному каналу и пародии на западный сериал по другому, раздался звонок в дверь.

– Ты кого-нибудь ждёшь?

– Нет, – с удивлением и лёгкой опаской ответила Аня.

– А сына моего? Муженёчка своего ненаглядного? – све-кровь улыбнулась. – Иди открывай, девочка.

Аня вначале медленно встала из-за стола, потом быстрым шагом прошла по коридору и как можно мимолётнее открыла замки. Как только память подсказала, куда и что дёргать нужно, а что тянуть? Дверь открылась, и в полумраке стоял он, тот, в ком вся её жизнь, вся её любовь, последняя надежда и спасение, она дошла до конца – она его нашла.

Он вошёл, вплыл в прихожую, так казалось Ане, снял обувь и куртку. Еле-еле потянуло прелыми ногами, так, что Аня прослезилась.

– Это воры? – послышалось с кухни.

– Не дождётесь, – ответил Алексей и тихо, даже чуть грустно добавил. – Это насильники.

Аня присела на подвернувшийся стул и вытирала слёзы, в темноте Алексей не видел их, да и не рассматривал девушку, только краем сознания решил, что она очень красива, а может, это всё потому, что он видел в ней свою жену.

– А кто это? – Лёшин голос с кухни, неудачно замаскированный под шёпот.

– Красивая? – мать отвечала ему, издевательски пародировав его интонацию.

– Ну да, – сын улыбнулся. – Она на Аню похожа. Так чего звала-то, просила быстрее и важно. Что случилось?

– Да я не знаю, иди сам спроси. Ты такое всегда любил. И вообще, иди к себе в комнату.

– Мам, мне 40, какая комната? Что случилось?

– Иди, сына, у... – женщина запнулась. – Спроси, только ты здесь способен разобраться. А мне на пробежку надо, с вами на фитнес даже сходить нельзя. И носки смени, перед девушкой неудобно.

Пожилая женщина поспешно вышла из кухни и удалилась, Аня же, наоборот, вошла и села за стол, напротив любимого. Тянулось время, они смотрели друг на друга и не могли оторвать глаз, каждый думал о своём. «Как же она красива и молода, когда-то данным давно, больше чем полжизни назад, он влюбился в точно такую же...». «О Боги, я нашла

его, почти его, пускай он стар, нет, он не дряхлый, просто возмужал, чуть полысел, и стала появляться седина, но это он, мой Дурашка, Кактус, не желающий бриться, Упрямец, Старая развалина, которая уже чуть ближе к этому...»

– Сколько тебе лет? – почти синхронно сказали оба, и возникло замешательство.

– Ладно, неприлично спрашивать возраст у дам. Давай так: рассказывай историю, а когда закончишь, я скажу, сколько мне лет. Хорошо?

Аня вздохнула и дёрнула плечами, вместо ответа она начала рассказ.

За окном совсем стемнело, Алексей слушал столь внимательно, что приготовленный впопыхах чай остыл, а хлеб на бутерброде ни разу не был укушен, иногда он задавал вопросы, и Анечка на них отвечала: на какие-то с радостью, а на другие – с неохотой, но, пообещав себе рассказать всё, отвечала на любые. Лёшу очень заинтересовал парень, с которым Аня была в КПЗ, а вот её приезд к родителям пропустил без должного внимания.

– ...А потом пришёл ты, и вот мы сидим, – Аня умолкла и стала ждать реакции своего мужчины, она была уверена, что он её и больше ничей.

– Я обещал сказать, сколько лет мне, тебе, насколько я понял, 18, – Аня кивнула. – А мне 42, я женат, у нас с... тобой, то, что я женат на тебе, сомнений нет, вот только тебе 38, и у нас трое детей, – он полез в карман и достал огромный те-

лефон, включил экран и протянул девушке. Там была фотография женщины, прямые золотого цвета волосы падали на лицо, чуть скрывая один из весёлых и озорных глаз, женщина улыбалась безукоризненной улыбкой, в ушах серьги под цвет волос с блестящими камнями, внизу, там, где была шея с ровным загаром, был кусочек шёлкового ворота, больше ничего видно не было.

– И зачем мне это? – Аня удивлённо спросила.

– Это ты, в смысле моя жена, фотографии несколько месяцев, это с вручения какой-то награды за вклад в развитие города. Полистай, там их много

Аня водила пальцем по экрану, фотографии менялись, но люди оставались одни и те же: эта красивая женщина, то есть Анечка в 38, Алексей, что стоял за спиной и иногда комментировал, если это требовалось. Были и дети, но Аня старалась пролистнуть побыстрее эти фото, только одна фотография заставила её остановиться, а её муж не стал рассказывать историю. Это была общая фотография, вся семья в сборе – папа Алексей, мама Аня, близнецы, Женя и Света, и старшенький Вова. А ещё были друзья, но Аня лишь мельком заметила, что старые друзья мужа тоже там и оба с парой, и её подруга там, и ещё четыре девушки, которых она то ли не узнала, то ли ещё не знала, Лёша стал рассказывать, кто есть кто, но Аня тихо остановила его, и он замолк. Девушка повернулась к нему лицом, прижалась к его груди и тихо спросила:

– Мы с тобой счастливы?

– Конечно, дорогая, ведь ты моё счастье, – он прижал её к себе ещё крепче, запустил руки в кудрявые волосы, и по его щеке скупно скатилась слеза. – Утром, когда я проснулся, у меня была жена красавица и умница, а к вечеру у меня две красавицы и умнички, откуда взялась вторая, кому расскажи, не поверят. Что же мне с тобой делать? – Аня оторвала голову от его груди и попробовала что-то сказать, но «как бы муж» прижал её обратно, поцеловал в макушку и тихо добавил, – это риторический вопрос, сделаем всё вот так вот...

Аня проснулась рано, так и было ей запланировано. Хозяйка квартиры ещё спала, а кроме них, никого и не было, Лёша уехал, и здесь её больше ничего не держало. Она подошла к окну и задумалась, вчера он предложил выход и, наверное, разумный – пожить в этой квартире, хоть и пару месяцев, она не хотела, ей обещали найти работу, но и без денег бы кормили, всё равно это не её. Она искала своего Лёшеньку, а здесь только солидный Алексей Станиславович. Нужно было уходить и срочно, ибо предложение давало столь желанное спокойствие.

Аня выбежала на улицу, лёгкая куртка не грела, она бежала без оглядки, бежала, чтобы быстрее скрыться от старого, что вывернулось и стало довлеющим настоящим. Она хотела мира и уюта, ей это давали, но что-то внутри вопило, разрывая душу: «Не то, не так, иначе должно быть». Дома сменяли друг друга, в раннем небе всходило солнце, и ни од-

но облачко не смело ему мешать, Аня посмотрела на небо и чуть успокоилась, солнце, как её старая жизнь, было красиво и одиноко, но каждое утро солнце разное, и старой жизни уже не будет, как нет одинакового луча света. Перейдя на спокойный шаг, она огляделась: ничего знакомого не было и, как назло, не было у кого спросить.

– И как мне метро искать? – Аня улыбнулась своим словам, произнесённым вслух. – Не хотите отвечать, сама найдёте, – чуть обиженным голосом добавила она и пошла вперёд.

Через пару кварталов ей надоело идти прямо и, оглядевшись («Эх, люди, животные вы социальные», – пронеслось в голове), пошла во двор. Он оказался сквозным, дома нависали над одиноко идущей девушкой.

«Это же более тысячи квартир, значит, тысячи три душ, а тел нет, – тяжёлый вздох. – Вот иду, никого нет, и в окнах не мелькают, но стоит только начать делать что-то постыдное, сразу набегут, как мухи или жуки», – мысли понеслись как река. Собственно, мысли-то было только две: «Эх, думаю, почти как Лёшка, впитала его сомнительную манеру мыслить». Второй же мыслью, даже воспоминанием было то, как она точно так же шла по безлюдной улице в маленьком городишке и спас её от безумия случайный автобус. Аня остановилась, огляделась, кругом дома, небо над головой, окна на все восемь сторон света и трава под ногами, куда идти, может, кому и известно, но вот его здесь нет. Аня подошла к проблеме креативно: закрыла глаза одной рукой, а вторую

вытянула и закружилась. Когда голова потеряла ориентиры, девушка остановилась и пошла туда, куда перст указал.

– А что? Дурацкому миру – дурацкие методы, – пробормотала она, чтобы хоть как-то самой себе объяснить поступок.

Дома, ларьки, пустошь, дома. Аня плелась сквозь двор, обходя здания и те места, где по неведомым причинам таковых ещё нет, люди то появлялись, то пропадали, девушка пробовала догнать нескольких, но те пропадали неведомо где и как. Устав, она присела на скамейке, возле какого-то подъезда, безлюдье её уже не пугало.

– Тоже мне мегаполис, пять миллионов и где? Да ну вас всех.

Сложив руки на груди, она закрыла глаза, тишина ударила по ушам, просочилась в мозг и превратилась в тонкий писк. Анечка вспомнила, как её учил жених слушать воздух.

Она открыла глаза, глубоко вздохнула и, вздыхая медленно, закрыла веки. Отбросить все мысли, есть, отстраниться от всех звуков, здесь и так глухо, услышать писк воздуха, от него и так мозгу больно, слушать, наслаждаться. Радостного было мало, а много было неудобств. Аня уже хотела вернуться, как писк дрогнул и померк на мгновение. Её выбросило в реальность, опешив, девушка смутилась и только спустя долгие пару секунд всё вспомнила и осознала. Решив попробовать снова, она быстрее дошла до нестерпимого писка и упёрлась в него, как в стену, было больно ушам, мозгу, хоть

он и не болит, да объясни это психике. Писк давил, и уже всё тело сдавила неведомая сила, Аня подумала, что нужно завязывать, но услышала крик, кричали из-за писка, она это просто знала. Она попробовала прислушаться, воспринимая писк как просто звук, который следует вытеснить из сознания, писк на мгновение стал тише.

Около часа ушло на то, чтобы расслабиться и вытеснить из сознания звук броуновского движения молекул воздуха, да и не то чтобы вытеснить, а сделать тише, не обращать внимания. Кричал тот самый человек, который и обучил Аню этому трюку, способу релаксации, как говорил Лёшка. Аня и вправду расслабилась, но скорее от галлюциногенного голоса любимого, нежели от чего-то там ещё. Они попробовали говорить, девушка хотела завалить парня вопросами, но он не знал ответов, ссылаясь на то, что он не то чтобы реален и больше является частью её подсознания, нежели живой личностью, хотя и связан с прототипом. Аня устала, почти все силы уходили на то, чтобы быть расслабленной и сосредоточенной одновременно.

– Где метро? Это ты знаешь, – отчаянье и сопротивление двух желаний овладели ей: закончить всё это, уйти, стукнув дверью, и как можно дольше говорить с парнем, пускай полуфальшивым, но ведь он есть.

– Знаю, я же здесь недалеко живу, иди между двумя высокими домами до красного магазина, потом налево, и метро будет там.

Аня открыла глаза посмотреть, что за здания. Резкая боль пронзила почти всё тело, как будто она неудобно положила руку, нарушив кровоток, а потом попробовала взять стакан этой рукой. Застучало в висках, кровь, как расплавленное олово, потекла по венам, мышцы не слушались, невольно Аня накренилась и стала падать, за долю секунды писк ударил по ушам и сразу сменился тихими звуками города, которые грохотали сейчас громче рёва самолёта, но в тот же миг девушка услышала последнюю фразу любимого.

– Придумай людей, поверь в них, что они есть. Тогда они появятся, они... – он кричал так, как невозможно кричать, будь он реален.

Аня упала на скамейку, тело еле вздрагивало, останавливаясь.

– Лёша, люди, помощь... – всё, что она прошептала, еле шевеля губами, собственный голос казался подобен раскатам грома, тело ушло на перезагрузку.

Аня очнулась почти сразу, голова болела, а в пальцах колело, вены взбунтовались и как будто решили поднять русла, да ещё и чесались везде. Она уже разделяла тело и душу или дух, девушка путалась, так душе-духу было легко, уютно и тепло, может быть, даже тем самым теплом, что счастьем зовётся. Она огляделась и расплылась в улыбке, она увидела людей, и они её видели и вроде сбегать не пробовали. С третьей попытки Аня встала, тело ещё плохо слушалось или Аня его плохо слушала, она вспомнила, что на один вопрос

она всё же получила ответ и знала, где метро.

Алексей ошибся, метро было не справа, а слева, а так всё правильно сказал, Аня не стала удивляться, в этом мире может быть всё что угодно, а воздух она слушала в первый раз, а то, что в обморок упала, так здесь как в дайвинге – кессонная болезнь, сама виновата. О том, что стоит ещё раз попробовать, Аня уже думала на эскалаторе в окружении десятков людей и здесь, она была по-настоящему счастливой, так, на пару минут, но мир казался прежним.

Опять метро? Эх, чтобы люди делали без этих норок и железных червей, которые так великодушно позволяют забраться внутрь и кататься, ехать, мчатся туда, куда тебе нужно. А лучше всего стремиться туда, где тебя ждут, где всегда рады, домой или к друзьям, главное, чтобы там было много народа и все тебе были рады. Одиночество, оно, конечно, хорошо, но всё должно быть в меру, уж лучше всю жизнь искать уединения, чем найти его, оглянуться, а позади пустота и кругом пустота, и никому ты не нужен, нет больше той взаимозависимости, на которой так много стоит. И мучительная мысль, что оно когда-то было способом убить, перед этим, конечно, просверкав чуть ли не всеми оттенками безумия.

Город, любимый город, ах ты же девка паскудная, изменник неблагодарный. Аня вышла из метро и не узнала той станции, на которой прожила всю жизнь, ладно, она же здесь была вчера, и всё было по-прежнему. А сейчас всё как в зеркале или лупе, всё наоборот: где были привычные девяти-

этажки, стоят громады, где был торговый центр, теперь гуляют собаки, девушка подошла к карте, та, как назло, была прежней, так, с мелкими отличиями, но всё было узнаваемо. Аня пошла по привычному для себя маршруту, стараясь не обращать внимания на мелочи в форме двадцати пяти, тридцати или сорокаэтажных зданий, мол, всё фуфло, я так, гуляю.

Дойдя до улицы, на которой она жила, всё те же громады, Анечка стала искать свой дом, пришлось спрашивать, невиданное дело: спрашивать, где родной дом. Нашла, но вот радоваться было нечему, хотя как сказать. Сердце девушки вздрогнуло, это был её дом, прежний, старый, пяти этажей от роду. Вот только обшарпанные стены, ладно, они и раньше красотой не блистали, разбитые окна, почти все, остатки яблонь под окнами и тополей у парадной, дом был мало того, что брошен, так ещё и обнесён забором, свежим, на импровизированных воротах была надпись «Снос назначен на 25-е...». Дома больше нет, считай, унесли, где жильцы, никто не знает. Идти в органы, которые этим занимаются? Только не в этом мире, где город сам не знает, как ему выглядеть, чего уж о людишках говорить, они и не замечают то ли телодвижений, то ли конвульсий гиганта. Аня в сердцах плюнула и пошла прочь, хотелось ругаться, но вот только с кем? «Найду того, кто это всё устраивал, волосы повыдираю, – пообещала себе Аня, – если не пожелает объясниться», – чуть смягчаясь, добавила она. Аня просто пошла по улице, ничего и ни-

кого не видя, последний островок надежды таял вдали. Какое сегодня число? Мило, послезавтра мой дом сносят, а я вещи и родителей не забрала...

Глава VIII

Дорога стелилась под ногами, как ковёр, ласковый и с длинным ворсом, люди бежали кругом, а Аня шла. Она решила, что центр города в той стороне, и шла, по необходимости что-то спросить, она спрашивала, и всегда находился тот, кто бы ответил, Аня шла дальше, а люди продолжали бежать. Девушка вспомнила о лёгком рюкзаке за спиной, и там оказались деньги, она решила перекусить и буквально в десяти метрах была уютная кафешка-ресторанчик. Приятный полумрак окутал девушку, не столь приятные цены обожгли глаза, хотя за комфорт принято платить. Напоследок принесли чай и маленький кусочек запечённого теста, якобы печенье с предсказанием. Отпив чай, Аня откусила кусочек от теста, и во рту у неё оказался клочок бумаги, газетный. Аня поднесла сальный обрывок к глазам и не успела даже разобрать, что там (всё было запачкано маслом и буквы разъезло), как официант, который крутился возле единственной клиентки, подбежал, размахивая руками.

– Подождите, что это? – чуть не закричал он.

– Предсказание из вашего, с позволения сказать, печенья, – недовольным голосом ответила девушка, ей очень не понравилось, что печенье было больше похоже на пирожок, а обрывок газеты она сочла оригинальным и милым.

– Я сейчас же позову менеджера, и мы уладим это недо-

разумение.

Если бы официант не убежал, то Аня бы возразила, что нет никаких недоразумений, всё в порядке. Но уже два молодых человека шли к ней, и чуть позади грузно ковылял мужчина в фартуке, повар, следует полагать.

– Я приношу свои извинения за такую оплошность, – молодой человек в пиджаке двумя пальцами брезгливо взял ошмёток газеты. – Разумеется, платы с вас никто брать не будет, ваш счёт будет вычтен из зарплаты повара.

– Сам не понимаю, как такое произошло, но признаю – газета моя и обрывок из неё, – повар, потупив глаза, стоял как маленький ребёнок, которого отчитывают за первую двойку.

Все смотрели на девушку, а она была в шоке и вины не видела ни в ком, не будь такой шумихи, то и всё прошло бы незамеченным.

– Давайте тогда сделаем так: забудем, что всё это было, и коль заказ оказался бесплатным, – все трое активно закивали, – просто повторим его, и я с радостью оплачу всё съеденное в любом случае.

Вроде бы все остались довольны, а Анечка, оставшись одна, всё же взяла своё «предсказание» и удостоила его прочтения. Жирные пятна разъели буквы, равные края скрывали начала и концы слов, прочитать можно было только «...ище...ицы...».

Официант уже принёс большую часть повторного заказа и раскладывал всё на столе.

– А позволите спросить? – робко поинтересовалась девушка. – Насколько я вижу, я единственный клиент, могу ли я попросить того повара составить мне компанию в трапезе? Если он не занят каким-нибудь другим делом, конечно.

Слегка удивлённый официант удалился, зато через несколько минут тот самый робкий мужчина сидел напротив, а менеджер выглядывал из-за угла, стараясь разобраться, в чём дело на этот раз.

– Чем я могу быть полезен? – тяжёлый бас повара был не привычен для уха, но приятен.

– Всё хорошо, – Аня робко улыбнулась. – Правда. И основная причина, что я вас потревожила, это выразить благодарность за столь искусно приготовленную еду, я бы обратилась по имени и отчеству, но, к сожалению, не знаю их.

– Василий Иванович, – чуть смущённо ответил он. – Да что вы, так, ничего сложного.

– И простые блюда можно приготовить по-царски.

– Спасибо, – серьёзное, даже суровое лицо повара дрогнуло в улыбке.

– Хотите чаю? У меня их два, а мне столько не осилить, – Аня придвинула одну из чашек к мужчине, он принял дар. – Второй же повод – это газета...

– Я же извинился, – пробормотал повар.

– Нет, что вы, всё хорошо, – мгновенно отреагировала девушка. – Меня другое волнует. Про что была та статья?

– А вам зачем?

– Это же всё-таки предсказание, хотелось бы его понять.

– Там было про капище Богородицы Лады, его реставрировали, вот и заметка была – чуть отпив чай, ответил он.

– А оно далеко? Его можно найти?

– Вы точно не сердитесь из-за клочка газеты?

– Не сержусь, если бы не официант, то я бы и не заметила. Вы менеджеру не говорите, но газета – это весьма оригинально. Тесто подвело, а так всё даже мило.

– Тесто да, нужно было песочное, да вот не закупили. А капище тут рядом, пешком дойти можно. Хотите сходить?

– Да, думаю, стоит, глупо отворачиваться от знаков судьбы.

Когда кончился чай и второй завтрак был окончен, Аня расплатилась и ушла. Выйдя на улицу, больше по привычке переставляя ноги, она вновь задумалась: «Этот мир, нет, не бред, не утопия и даже не отражение её старого мира, он другой. Иной, и всё тут, наивнее и добрее, как подросток, получивший первый паспорт. Может быть, дело и есть в том, что эта реальность ещё слишком молода? Поэтому так пластична, она ещё сама не определилась, как ей выглядеть». Улицы превратились в дорогу, а дорога стала серым ковром, растелившимся под ногами у девушки, она шла и сама не знала как, куда, но была уверена только в одном – зачем. Город, как не коверкай его, а он лучший, вопреки, всегда, будь то шведы или немцы, живой организм можно перекроить, понатыкать кучу всего лишнего, но убить его нельзя. Она вышла на на-

бережную и, идя вдоль воды, вышла к жёлтым стенам, упёрлась, и внутри что-то сказало: «Всё, дальше иди сама», – этаким GPS, сообщающий, что путь окончен. Увы, путь нашей героини ещё не был окончен, ей предстояло ещё несколько поворотов и долгая финишная прямая, Аня и сама это знала, просто знала, и всё. С этой уверенностью она и перешагнула через порог ворот, внутренний компас выключился совсем, девочка совершенно не знала, куда идти.

Анечка попробовала спросить у кого-нибудь, куда идти, но люди, которых здесь было на удивление с избытком, бежали по своим делам – кто на вход, кто на выход. «Тоже мне, добрый мир, конечно, такой же сволочной, как и мой», – бурный поток мысли чуть отрезвил Аню, и она решила поступать так же, как и раньше, – пойти за толпой, никого не спрашивая и не советуясь, всё равно по пути длинная арка, никуда не свернёшь.

Пройдя в толпе ещё несколько сотен метров, она осознала, что это кладбище, старинное и по своему даже завораживающее. Как-то привычно, чтобы здесь были могилы, полумрак и тишина, покой для покойников. Не тут-то было: всё та же куча народу, все бродят, слоняются, толкают друг друга, хорошо, что хоть цыган нет. А нет, есть, вон пошёл маленький таборочек, яркие платки, длинные юбки, хорошо, что петь не надумали. Аня бы долго могла представлять, как цыгане стали петь на кладбище, но её отвлекло чудо, самое настоящее чудо. Она понимала, что в этом мире только

два варианта: или он меняется, или она сошла с ума и всё ещё в своём уютном мирке. Девушка заметила святилище: высокий забор, сделанный под старину, массивные брёвна опоясывали монументальное здание, золочёные лики немного переливались, если смотреть с разных сторон, на тебя то взирали сурово, то по отечески добро – мир менялся прямо сейчас, пластично переливаясь. Здание и окружающее пространство колебались и расплывалось, то тая, то твердея, становясь празднично разноцветным, а то серым, словно кадр мелькнуло и невысокое здание с облезлой голубой краской. Людям, идущим мимо, было по традиции всё равно, они не видели, что реальность на их глазах искривляется, почёсывается и выбирает, какой ей быть.

– Давай быстрее... – мужчина, проходящий мимо, проговорил в телефон и ушёл.

– Я ей и говорю, чего стоишь... – две женщины, чуть не задев Аню, проследовали мимо.

– Выбирай... Он ждёт... – ещё чей-то голос раздался сзади, Аня обернулась, но не увидела, кто это был.

– Или сейчас, или некогда... – ещё один обрывок фразы, теперь откуда-то издали.

Аня, давшая себе обещание, что будет следовать знакам судьбы, медленно стала шагать к входу в ворота, за ограждением, к святилищу. Её толкали и ругались, она же шла неприкаянная и неуклонная, не обращая внимания на обрывки чужих разговоров. Почти в ухо кричали «Давай», «Быстрее»,

«Что так медленно»...

Вы когда-нибудь боялись войти в воду? А если вода вертикальная и дрожит? Это страшно или непривычно, как минимум. Вблизи здание не перестало меняться, наоборот, стало видно, как меняется структура материала, из которого она сделана, как камень перетекает в брёвна и обратно, как красный и жёлтый, будто выгорают, становятся серым. Наверно, Аня бы и не решилась войти, но её туда затолкнули. Мужчина так напористо шёл, что сшиб девушку, подумаешь, в проходе стоит.

Аня, вставшая вначале на одно колено, потом опершись рукой, подняла лицо перпендикулярно полу и собиралась выmaterиться так, что не только бы тот нахал вернулся, но и этот мир навсегда бы решил, каким и с кем нужно быть. В глазах у девушки было столько злобы и ненависти, обиды и расстройства вместе с разочарованием, скажи ей потом, что у неё тогда глаза огнём горели и волосы на ветру играли в «Медуза Горгона Style», она бы поверила. Это могло случиться, но мир решил попросить прощения.

– Девушка, у вас всё хорошо? – старушка-служительница подбежала к упавшей.

Аня посмотрела на пожилую женщины, и бушующие чувства потихоньку стали уходить. Аня кивнула, на языке всё ещё были нелитературные эпитеты.

– Присаживайтесь, вы же ударились, я видела, – старушка показала на скамейку возле входа.

Аня присела и вымученно улыбнулась, перед ней стоял, пожалуй, единственный человек, на которого не хотелось ругаться, столько добра и отзывчивости было в этой сгорбленном жизнью человеке. Тяжело вздохнув, проведя ладонью по лицу, Анечка затуманенным взглядом стала смотреть туда, где пахло травами и была целая толпа народа.

– Скамья-то мокрая, – отстранённым голосом произнесла девушка. – Я в луже сижу, – Аня мелко засмеялась, чуть подёргивая плечами.

– Что говоришь? Я плохо слышу, – старушка наклонилась к девушке.

– Спасибо вам говорю, что не дали затоптать меня. Если бы не вы, я бы могла разное натворить.

– Люди такие, ты сиди отдыхай, странные мы дети, непослушные, но она всё видит, помогает иногда. По родственному.

– В том-то и дело, что иногда и только некоторым.

– А тебе, внучка, нужно? Кручина тебя какая обуяла?

– Вроде нет, – Аня усмехнулась. – Кручина – не кручина, горе – не горе, а у меня то ли крыша едет, то ли чудо со мной какое, а я и не ведаю, что с ним делать.

– Так ты мне расскажи, всяко легче будет, а я тебе посоветую, может что, вот и проверим какую мудрость голова моя седая собрать смогла.

Куда хуже, зачем лучше? Аня всё рассказала, всё, как оно было и как есть теперь. Легко, без утайки, переживая всё за-

ново, но уже без той тяжести, которая преследовала её на протяжении всего пути. Старушка сидела и слушала, и было видно, что ей такие истории не впервой, но она всё равно переживает за рассказчика. Девушка боялась расплакаться, но потом заметила, что вместо неё плачет старушка.

– Что вы? Не плачьте. Я вас расстроила?

– У меня тоже был муж, мне годков-то мало было, всего двадцать восемь, когда он умер. Я тогда очень горевала, но нашла утешение тут. Раздала всё, что имела, а я была богата: дом свой подруге отписала, все тряпки раздала беднякам, только вот платье это оставила, памятное. А мне же много и не надо. Долго спала на пустыре, ночью мне было страшно в городе, днём ходила и чем могла помогала нуждающимся. Давно это было, очень давно, теперь вот здесь живу.

– Может быть, я могу вам чем-то помочь?

– Да что ты можешь? У самой нечего нет.

– Вот у меня здесь в рюкзаке... – Аня потянулась за рюкзаком, но старческая ладонь её остановила.

– Оставь, тебе нужнее будет. Сюда много приносят всякого, что от жиру несут, что по совести. Всякое бывает, но ты оставь, пригодится ещё.

– Дайте совет, что мне делать?

– Я тебе сказала, что помогу, расскажу, что делать – Аня кивнула, и старушка продолжила. – Так я тебе так скажу. Я и сама не знаю, ведь каждый сам решает куда ему идти и что делать. Мой дом теперь тут, но не твой. Не ходи ты дальше,

смысла нет, вот я здесь сижу. Ритуалы это хорошо, но это лишь символы, как заклинания у кузнецов, красивый счёт. А всё что нужно, оно внутри, в сердце. Богородица тебя и так услышит. Выйди на улицу, оставь, что хотела мне дать, на пороге, возьми только одну вещь, в мои времена такого не было, не знаю, как называется. И ступай куда глаза глядят, сердце у тебя доброе, чистое, вспыльчивое, правда, но это по молодости бывает. Не волнуйся, внучка, будет у тебя всё, – Аня встала, помогла подняться старушке, они вместе подошли к выходу, Аня перешагнула порог, и старушка добавила, – мой-то умер давно, кости сгнили, а твой жив ещё...

Они вышли на улицу и старушка провела рукой по спине девушки. Аня встрепенулась и попробовала сделать шаг назад, что бы ещё раз взглянуть на свою собеседницу, поклониться и поблагодарить. Но обернувшись, она никого не увидела там была дверь, деревянная, красная с вырезанными рунами, они не мерцали. Аня её дёрнула, потом толкнула, заперто. К девушке подошёл слугитель.

– Закрыто, тут же написано, читать не умеешь? – показал на листок офисной бумаги, что приклеен на дверь, «Закрыто на реставрацию».

– Но я только что разговаривала со старушкой лет восьмидесяти, в платье таком белом, по краям вышивка красная и платок с капюшоном. Вот только что мы с ней вышли... – слугитель укоризненно на неё смотрел, мотая головой.

– Закрыто, алтарь вон там, малый – он показал рукой на

маленькое строение чуть глубже на кладбище.

– Не пойду я туда, не нужно мне, уже. Что хотела, узнала – Аня стала быстро спускаться по ступенькам, на последней остановилась, сняла из-за плеч рюкзак. На ощупь нашла мобильник, а всё остальное положила на край и быстрым шагом пошла прочь.

Служитель пытался окликнуть её, да Аня никого не слышала и старалась не видеть.

Глава IX

«Вся жизнь – дорога, то туда путь держу, то обратно. То стена каменная, то деревянная, но чаще прозрачная, глазу невидимая, ноге непреодолимая», – мысли, опять только мысли, шаг, которым она уже ходила восемнадцать лет, ступал по каменной мостовой вдоль реки. В руках мобильник, в голове ветер, по реке плывёт утка, этот мир решил, что лучше всего сейчас будет лету.

Аня перешла к дому и решила, что если она когда-нибудь заведёт собаку, то никогда, никогда не станет выгуливать её вдоль рек, особенно в центре города...

На всякий случай, пошаркав по траве, тем жалким останкам, которые остались от газона, Анечка зашла в первую попавшуюся подворотню. Как та старушка говорила: идти куда глаза глядят, а они посмотрели на скамеечку. Подошла, села, глаза решили посмотреть в небо. «Мне бы, мне бы в небо, тут я был, а там я не был...» – вспомнилось из репертуара группы «Ленинград», одному Шнуру, наверно, известно, где туда дорога. Аня улыбнулась, сколько народу туда рвалось, и большинству туда было рано, возможно, ей тоже так сильно хочется в небеса, что ей тоже рано.

«Так, стоп, Лёшка говорил, что есть где-то улица... Лестница в небо вроде бы, может, мне туда?» – пронеслось у девушки в голове, она сразу же удивилась такой мысли, но по-

старалась её запомнить, вдруг пригодится. Неподальёку появилась компания подвыпивших мужчин, которые что-то пели, Аня прислушалась.

– «WWW, Ленинград, SPB.RU, WWW, Ленинград, SPB.RU»... Колян, как там дальше... О!.. «Когда переехал, не помню, наверное, был я...», – пели голосом не то чтобы сильно выпившего человека, а скорее человека, для которого запой – естественное состояние. Аня прислушалась, песня продолжалась, путали слова, и говорить, что фальшивили, это значит ничего не сказать, просто песня ушла в народ. Подумав немного, Аня решила, что это знак, недаром же она вспомнила одну песню, а через несколько минут появляются... граждане... поющие того же автора. Всё, решено, иду к ним и спрашиваю об улице. Робко подойдя к мужчинам, напивающим и выпивающим, она чуть постояла, вдруг сами заметят, не заметили.

– Я извиняюсь, у вас можно спросить?

Мужчины сильно удивились, но все, как по команде, кивнули.

– Не знаете ли вы Лестничную улицу? Если я ничего не путаю, но там точно что-то про лестницу, – Аня смутилась и про себя добавила: «Зачем мне лестница, мне же в небо надо».

– Дай-ка подумать... Лестничная... Нет, не знаю... Колька, может, ты знаешь?

Наверно, этот Николай был у них что-то вроде справоч-

ной: песню напомнить и улицу сказать.

– Тут точно нет, Василий, что-то такое говорил... Вась, вспоминай давай, мы обязаны девушке помочь.

– Лестничная? Ну, знаю, но это скорее в небо лестничная, думаю, девушке не она нужна...

– Она самая, где она, подскажите, пожалуйста.

– Выпьешь, скажу, – Вася был неумолим и уже налил стакан чего-то белого и пахнущего спиртом. – Но я не уверен, что вам именно туда...

Аня вырвала стакан из рук у мужчины и со словами «Умирать – так пьяной», выпила всё залпом, все мужчины были шокированы, а Аня хриплым голосом чуть не закричала:

– Говори, где она? Закусь дайте.

– На Шуваловском кладбище есть Лестничная аллея, другого не знаю, там матушка похоронена моя... – изрёк Вася, протягивая девушке бутерброд.

«Кладбище – это хорошо, кладбище – это привычно», – чуть не вырвалось у Ани, но она вовремя заткнула себе рот бутербродом. Проживав и почувствовав, как желудок борется с ядовитой жидкостью, Аня присела.

– Может, тебе ещё налить? – спросил Вася, но его толкнули в плечо, – да я водички предложил, вот у меня есть, хорошая.

Протянутую воду Аня стала пить большими глотками, организм не возражал и всячески старался побыстрее усвоить принятое, хоть как-то разбавляя первую порцию. Закончив

пить и чуть пошатываясь, она встала и, увидев арку, побрела к ней.

– Пойду, спасибо за помощь... – только и смогла произнести Анечка.

Выйдя к реке, на открытый воздух, ей стало легче. Нужно опять ехать, искать эту аллею. Вот только зачем? Аня никак знать не могла, также и не знала, что это за кладбище такое. Было ясно только одно: нужно ехать, а там уже будет видно. В первую очередь нужно было найти это кладбище на карте, и Аня отправилась к книжному магазину, там-то карты города должны быть. В кармане что-то завибрировало, и по воздуху полилась мерзкая незнакомая мелодия, Аня приложила руку к карману, мелодия стала тише, вибрация перешла больше в ногу. Аня за мгновение вытащила мобильник и испуганным голосом чуть ли не прокричала:

– Алло! Я вас слушаю.

– Вы Анна? – незнакомый голос, раздавшийся из трубки, был то ли напуган, то ли смущён.

– Да, а что случилось? – уже спокойным и мирным голосом продолжила она.

– Здесь, вы только не пугайтесь, человека машина сбила, он, перед тем как потерять сознание, протянул телефон с выделенным контактом и прошептал «Анечка»... Вот мы и позвонили... – человеку было явно неудобно и неловко.

– Кто, мать вашу, вы? – закричала Аня. – Небось ты, гнида, его и сбил! – внутри она была полностью спокойна, но

внешне всё, что только можно, она выплёскивала на собеседника, всё тот же спокойный и рассудительный внутренний голос уверял: так будет правильно.

– Да нет, что вы, я очевидец, просто подошёл первым, да вы не волнуйтесь, здесь уже скорая приехала, полиция... так что сейчас скажут, куда подъехать можно, вам на кладбище не надо... Что это я...

– Шуваловском, знаю, – грубо перебила Аня.

– Да... Так вы здесь рядом, он выходил с Лестничной аллеи, а этот урод вылетел и...

– Понятно. Что медики говорят? – Аня уже поняла, что ехать ей нужно, необходимо, но пока что не на очередное кладбище, то, что это нашёлся Лёшка, её настоящий, а не переросток-старикан с семьёй, этого она ещё не осознавала, всё затянуло спокойствие, которое служило барьером, чтобы окончательно не сдали нервы.

– Медики? – голос чуть отдалился, послышалось полурасборчивое «Жень, что там бригада говорит?», ответа Аня не расслышала, но его повторили в краткой форме. – Его в Первый мед, состояние тяжёлое, постарайтесь там быть быстрее, мы по пути, возможно, кого-то ещё вызвоним, но вы постарайтесь, кому нужно, сообщить. Вдруг придётся принимать жизненно важные решения.

– Хорошо, поняла, еду, – Аня уже начинала бежать, и голос дрожал.

– Кому ещё следует сообщать?

– Не знаю, в записной книжке поройтесь, там должны быть родственники.

Телефон резко дал отбой, Аня, не задумываясь, положила его в карман и только ускорила. Она попробовала представить, где она сейчас и куда ей нужно, по старому городу получалось вроде не так далеко, но в этом изменчивом и непривычном мире могло быть всё иначе. Она подбежала к первому же человеку и, схватив щуплого юношу за отворот куртки, с гневным лицом и абсолютно безумными глазами прошипела ему в лицо:

– Первый мед, где это?

Молодой человек испугался до потери речи и лишь показал рукой вдоль реки.

– Подробнее.

– Вдоль реки до «Петроградской», там через площадь, мимо медицинского университета, слева будет высокое здание, это оно, – залепетал юноша. – Как до «Петроградской» дойти, рассказать?

– Вдоль реки, там, чуть не доходя, сдать левее, упрюсь в площадь, – чуть успокоившись, ответила Аня. – Извини, тороплюсь, – бросила она уже через плечо.

«Ну и зверюгой же я могу быть порою», – корила девушка себя, стараясь как можно быстрее переставлять ноги, бежать быстрее изо всех сил. Ей уже было всё равно, почему и как она бежит, смотрят ли на неё люди, она бежала к единственному и самому любимому. Он был в опасности, она ему

нужна, и она, уже разрывая землю и портя кроссовки, бежит, на эти минуты у неё только одна цель – как можно быстрее быть там, всё остальное не имеет значения. Люди смешались в единую кашу, она видела только асфальт под ногами и неподвижные опоры впереди, если кто-то вставал у неё на пути, она оббегала это, но были случаи, когда она вбегала в толпу пешеходов и, не снижая скорости, расталкивая всех локтями и пиная коленками, торила себе путь. Были и светофоры, но Аня, сняв с себя куртку, выбегала на проезжую часть и, крутя курткой в воздухе, перебегала на нужную сторону, ошарашенные водители тормозили. Думала ли Аня о чём-нибудь? Думала, но это были мысли о том, как бы быстрее добраться до места назначения. Она не думала о себе, только об Алексее, которого сейчас везли в скорой, мчалась несмотря на правила, как мчится сейчас она. Перебежав один перекрёсток и скомкав куртку в руке, на неё накатила усталость, на которую она просто не обращала внимания, ноги стали заплетаться, в руках появилась тяжесть, разом по всему телу выступил пот, появился озноб. «Нужно отдохнуть», – пронеслась первая мысль, посвящённая самой себе. Взгляд упал на автомобиль, где на торпедке лежала обшарпанный Ладинец, на солярном символе радостно играли отблески, Аня сочтя это за знак, разом упала на колени и начала передвигаться на них.

«Если я доползу до конца дома, до перекрёстка, то с Лёшей всё будет хорошо. Боги, родненькие, лучше меня по пу-

ти размажет автомобиль, чем он, уже сбитый, погибнет по глупости какого-то уroda. Я обязана доползти ради любимого, самого близкого и родного...» Ноги стали неимоверно болеть, грубый асфальт врезался мелкими камешками в колени, обувь лишь мешала, царапаясь и цепляясь за всё, что только возможно, переставляя ноги, Аня задела кусок битого стекла и поранилась, но мысли её были далеко, и она не заметила рваной штанины и маленькой струйки крови, которая просочилась. «Лада, пощади моего возлюбленного, если тебе нужен кто-то, возьми лучше меня. Я готова отдать свою жизнь, если это требуется, пусть только он живёт. Не за себя прошу, от всего сердца взываю к тебе, пусть только Алексей живёт». Аня споткнулась на сложенных в коленях ногах, она стала падать, но рук, сложенных лодочкой, она не раздвинула и, лишь оперевшись локтем об асфальт, оттолкнулась и вернулась в нужную позу, поползла дальше. «Прошу тебя, Перун, ведь ты покровитель его, ты добр и великодушен, забери лучше меня, только бы он мог жить, я знаю, он сможет жить без меня, я же без него и так умру. Если тебе нужна его жизнь, возьми же и мою...» На избитых коленях, с раненой ногой и ушибленным коленом она просто встала одним рывком и побежала дальше. Несмотря на то что тело претерпело, сил добавилось, и она снова мчалась вперёд, к месту, где она сможет увидеть того самого, ради которого уже так давно сбежала из маленького городка и начала свой путь. Путь, полный приключений и мистики, путь, подарив-

ший ей новый взгляд на жизнь, показавший, что если есть что-то мистическое, то оно всегда рядом со всеми, но не все хотят увидеть это. Путь, в котором так много произошло и всё только ради того, чтобы она могла бежать, не обращая внимания на дорогу, к тому, ради кого она сделала первый шаг в эту сторону.

Глава X

Стеклянные двери приёмной показались метрах в ста, всё тело механически выполняло одни и те же движения: левая нога вперёд, перенести вес тела на неё, правая нога вперёд, перенести вес тела теперь на неё, руки должны двигаться синхронно ногам и быть чуть согнутыми в локте. Мысли отсутствовали, на них просто не было сил, дыхание так давно сбилось, что если девушка забывала вдохнуть или выдохнуть, то тело уже не обращало внимание на такую мелочь, как приток кислорода, худо-бедно есть – «и то хлеб».

Ворвавшись внутрь, Анечка подбежала к дежурной и, еле шевеля языком, стараясь, чтобы слова хоть как-то совпадали с произвольными сокращениями лёгких, произнесла:

– Молодой человек, машина сбила, везли сюда.

– Фамилия, когда везли, подробнее, – не в меру вежливая девушка подняла глаза на Аню, и руки её повисли над клавиатурой.

– Алексей... – Аня увидела, как с другой стороны к экстренному въезду подъехала скорая и оттуда выгрузили человека, с виду молодой мужчина, весь в крови, и вокруг суетились врачи. – Автомобиль сбил... – всё внимание было отвлечено новоприбывшим, Аня замолкла, только шумно, со свистом дыша.

– Фамилия-то какая?

Аня безмолвно пошла вперёд, игнорируя всех и вся, медленно обходя стойку.

– Девушка, вы куда? – забеспокоилась дежурная.

Аня к тому времени, как дежурная заверещала «Охрана!!!», уже миновала турникет и двигалась к группе с пациентом.

– Сюда только персоналу, – здоровенный мужчина взял девушку за плечо.

Аня чуть замедлилась, но здесь больной повернул голову, и Аня узнала Алексея сквозь разбитое лицо и испачканную кровью голову, она узнала того, ради которого она проделала этот путь, и он не был лёгким. Охранник больно взял девушку под локоть, полностью остановив. Но для Ани была только одна цель, и она чисто без раздумий, на одних рефлексах сделала то, на что способны либо спецы боевого искусства, либо матери, видя угрозу для своих детей. Охранник за доли секунды получил техничный удар в коленную чашечку, второй ногой не менее точный удар в основание таза и завершающим был вывих челюсти локтем, граничащий и с переломом носа. Ошарашенный и обездвиженный охранник упал на пол, но не коснулось ещё его тело пола, как девушка перешла на бег, благо медики с Алексеем остановились у лифта в ожидании.

Туннель был перед глазами девушки, она видела только лежащего любимого и врачей около него, всё, что выходило из этой зоны, расплывалось в её глазах. Возможно, ей попа-

дались люди и не в чём не виноватые, но она их или сшибала, или обезвреживала, как несколько секунд назад охранника. Аня не успела, створки лифта закрылись перед ней, повернувшись, она отыскала первого же человека в белом халате, благо таких было довольно много.

– Куда его? – страшным и гневным голосом прошипела она.

Доктор кинул беглый взгляд на очухавшегося охранника, который только вставал с пола и придерживал руками всю нижнюю часть лица.

– В шестую операционную, это ведь автокатастрофа, насколько я понимаю, – охранник был далеко, а спорить он не решался, но девушка его всё ещё держала за отвороты халата. – Третий этаж, – решил добавить он, всё ещё не отпустила, – дверь на лестницу там, – он показал рукой в сторону лестницы, что была метрах в пяти от лифтов.

Аня чуть улыбнулась и ринулась к двери, в глазах стало темнеть, она отвесила себе пощёчину, и зрение стало возвращаться. Вышибив дверь ногой, она, прыгая через несколько ступеней, стала отсчитывать этажи. Поворот, мгновение, поворот, ещё один, человек, оббежать, упала, опереться и встать, поворот, дверь, пролёт назад и на стене большая цифра «3». Вылетев в коридор, она увидела, как из лифта выкачивают пациента.

– Лёшка!!! – заорала девушка и, подбежав к пациенту, вцепилась в край каталки, это был он.

– Кто вы? Не мешайте! – санитар стал отдирать девушку.

Пациент пришёл в себя, Аня встрепенулась и уже хотела ударить мешающего санитаря, как Алексей чуть приподнял руку и слабым, еле слышным голосом произнёс «Анечка». Анечка передумала драться и схватила руку любимого, тот улыбнулся и снова уронил голову. Санитар, не теряющий времени, оторвал руку девушки. Алексея увезли дальше по коридору, Аня попробовала собраться с силами, но их осталось так мало...

Аня открыла глаза, она сидела на жёстком и неудобном стуле, два охранника стояли по бокам, присев на корточки, санитар возился с Аниной ногой.

– Где Лёша? – хриплым голосом произнесла она и поняла, что говорить очень больно.

– Не волнуйтесь, его оперируют, всё будет хорошо, – он посмотрел в мутные глаза девушки и решил продолжить. – Где же вы так ногу повредили?

Аня посмотрела вниз, почти вся левая нога ниже колена была сильно рассечена.

– Пока с кладбища бежала, задела, наверно, где-то, – Аня внимательно смотрела на санитаря, что её бинтовал. – Со Смоленского. Что с Лёшей?

– Всё с ним хорошо, над ним лучшие хирурги, – ответил юноша, чтобы успокоить Аню. – Так это я с вами разговаривал?

– Наверно, позвонил кто-то, сказал куда, я побежала. На-

сколько серьёзно он пострадал, мне нужно к нему! – Аня попробовала встать, но ноги, ноги не слушались. – Что вы сделали с моими ногами? – уже чуть испуганно добавила Аня, встрепенувшиеся охранники расслабились.

– Девушка, от Смоленского до Первого меда пятнадцать километров, я вам звонил, когда мы выезжали, а прибыли мы примерно в одно время. Я не спрашиваю, как вы за это время добежали, мне интересно, как вы живы после такой нагрузки остались, – один из охранников кашлянул, – вот именно, ещё и одного из охранников уложили.

– Может, она... это... под допингом, – предложил уложенный.

– Что с ногами сделали, я и тебя могу уложить. А потом к любимому пойду, и никто меня не остановит.

– Нагрузка очень большая была, – юноша попробовал посмотреть у Ани зрачки, та отпихнула его руку, но почувствовала, что и они очень слабы. – Зрачки в норме, пульс понижен, нет, она на адреналине бежала, ведать, действительно очень волнуется.

– Когда будут новости? – Аня уже поняла, что ей никуда не деться, сил нет, не столько, чтобы справиться с тремя мужиками, да и волноваться-то, может, и не стоит.

– Я же вам говорю, оперируют, как только что-то станет известно, я вам сообщу. Может, вам пока прилечь, легче станет, у вас действительно очень сильное перенапряжение.

Чуть успокоившаяся Аня понимала, что лучше отдаться в

руки доброго врача, молодого, но опытного.

– А я вас случайно не могла где-то встречать? – Аня задумалась и повнимательнее присмотрелась. – Артём, кажется?

– Да, Артём, но я вас не помню... Извините, как вас зовут?

– Аня, если я права, то мы в поезде ехали с неделю назад, хотя то спортсмены были... – Аня всё же прилегла, и один из охранников подстелил ей под голову свою куртку.

– Я занимался спортом, но это было давно, наверно, вы ошиблись.

– Да как же, там ещё такой... – Аня стала вспоминать свою поездку в поезде. – Вадим точно был, на гитаре хорошо играет, странная такая, вся в наклейках, и если не погладишь, струны порвать может... – сознание мутнело, давая телу как можно больше энергии на восстановление.

– Есть такой Вадим, – Артём очень смутился, – это аспирант нашего главного хирурга, гитара его, да, от кого-то досталась, потёртая вся, и он просит её погладить...

– От папы, – тихо добавила Аня, очень хотелось спать.

– Что, простите?

– От папы говорю, досталась, он тоже был спортсменом, весь мир объездил, – повторила Аня чуть громче.

– Да, точно, правильно, он у него очень известный хирург был...

Один из охранников наклонился к юноше и спросил:

– Это у неё что, бред? И мы ещё нужны?

– Нет, не бред. Про гитару только коллеги да друзья зна-

ют, странно... А? Нет, не нужны, она в таком состоянии, что если и захочет, то не встанет, все мышцы отдыхают, расслаблены. Слишком большое напряжение перенесли.

Охранник пожал плечами и, махнув второму рукой, направился к двери.

– И тренер у вас такой забавный, добрый. Выпить мне предлагал, но я не взяла, не решила... – продолжала девушка чуть громче шёпота, так что Артёму пришлось наклониться поближе.

– Что не решила?

– Да фляжка такая, в виде медали, там два горлышка. Если плохо – из одного, если совсем плохо – из другого...

– А если совсем конец, тогда из двух... – продолжил за неё Артём.

– Правильно, – улыбнулась Аня.

– А откуда ты это знаешь?

– Да я в поезде с вами всеми ехала, мне плохо было совсем, а вы мне помогли, песни попели, а потом я ушла. А тренер ваш мне ещё рюкзачок дал, но я его оставила в дар нуждающимся.

В коридоре раздались шаги, и к ним подошёл ещё один молодой человек в униформе скорой помощи.

– Ну, там нормально всё, хирург трудится, хорошо, что у него смену попали. А это кто?

– Девушка или жена этого парня, со Смоленского кладбища сюда бежала, как умудрилась, ума не приложу.

– А, ну понятно. Я пойду, вызовы, – он развернулся и пошёл к лестнице.

– О, Женя, – еле шевеля губами, произнесла Анютка. – Вот и свиделись.

– Стой, она и тебя знает, – Артём остановил уходящего.

– Чего? Я-то её не знаю.

– Да стой ты, она меня знает, Вадю и даже хирурга, вот и тебя по имени назвала.

Евгений подошёл поближе.

– Может, у неё того, бред, – тихо предположил он.

– Ага, про гитару Вадькиного отца тоже бред и про флягу хирурга тоже.

– Нечего себе, а что ещё говорит? – Артём пожал плечами. – А мы где встречались? – громче, обращаясь к Ане, спросил он.

– Ты же меня подвозил на автобусе, ну в этом маленьком городке... из которого эти спортсмены ехали.

Женя встал, похлопал Артёма по плечу и вышел на лестницу.

Аня попробовала закрыть глаза, там была тьма, чёрная настолько, что ночи в саванне показались бы сумерками. Артём тронул её за плечо, она открыла глаза, из двери операционной вышел молодой человек и, подойдя к Артёму, прошептал ему на ухо, Аня смогла разобрать обрывки, получалось, что Лёша совсем плох и хирург не знает, что делать. Девушка попробовала привстать, Артём положил на неё ру-

ку, и она упала обратно.

– Что с ней? – поинтересовался молодой человек у Артёма, тот рассказал коротко, и второй, потеряв подбородок, задумался. – Кто-то ещё из родни есть? Возможно, нужно будет принимать решения, – он помялся и посмотрел на девушку, та слушала, медленно моргая. Оба молодых человека отошли, что-то горячо обсуждая, потом второй посмотрел на часы и убежал обратно. Артём не успел ещё подойти, как Аня его удивила.

– Вот почему меня никто не узнаёт? Это же Вадим был.

Артём сделал вид, что не слышал, но для себя отметил удивительную способность Ани узнавать людей, хотя эти люди утверждают, что знать не знают эту девушку, а она о них такое рассказывает, что только друзья и близкие могут знать.

– Мы вас в палату положим, вот как раз идёт заведующий отделением, вам нужно отдохнуть, а в коридоре лежать не дело, – Артём как-то странно посмотрел на подходящего грузного мужчину и подозрительно глянул на Аню, как бы раздумывая, «узнает или нет».

Аня узнала, стоило только мужчине подойти, она ошарашила его фразой.

– Василий Иванович, – радостная улыбка. – А с моего положения вы выглядите забавно, о, и эти здесь, к сожалению, не узнала имён.

Василий Иванович и двое его помощников были ошарашены, и заотделением уже хотел что-то ответить и не факт,

что вежливо, но Артём его чуть поманил в сторону и рассказал, что девушка сделала, почему лежит здесь, и поведал о её удивительных способностях. Заведующий четвёртым отделением в Первом меде усмехнулся и, повернувшись к помощникам, томным басом произнёс:

– Геннадий, в шестую её, если что, все вопросы ко мне, она ненадолго, а там свободно, – подошёл к девушке и присел на корточки рядом с ней.

– Вы меня тоже не узнаете? – грустно спросила Аня.

– Вот как вам ответить... – мужчина замаялся, посмотрел на Артёма и показал рукой, чтобы тот отошёл. – Что вы про меня знаете?

– Вы поваром были, а эти двое официантом, и Гена, или как вы его назвали, он был менеджером. Но, скорее всего, я брежу... – Аня начала плакать, и Василий погладил её по голове.

– Я вас тоже узнал, и поваром я был... Но это было давно, у меня тогда жизнь сложная была, я взял в больнице отпуск за свой счёт и готовил в одном из ресторанов, гадюшник, конечно, но называли себя рестораном. Вот только это было лет десять назад... если память не изменяет, там что-то вам попало в еду.

– Кусочек газеты.

– Да, да, да. Точно. Я с тех пор готовлю только для себя, но столько времени прошло... а вы не изменились.

Подбежал молодой человек в белом халате и сообщил, что

палата готова, Гена уже вёз кресло, и Аня не успела добавить, что всё это было не десять лет назад, а сегодня утром. Её бережно посадили и повезли в палату, когда они проезжали мимо короткого коридорчика, ведущего в операционные, Аня дёрнулась и попыталась встать. Артём положил ей руку на плечо, и она села обратно.

– Анна, – догнал их заведующий. – Я ведь правильно вас назвал? – девушка кивнула. – Если вы мне верите, я беру дело под свой личный контроль, как-никак вы малость изменили мою судьбу, – он чуть замялся, были сомнения, может, и не она, столько лет прошло, а она такая же, но, отбросив раздумья, уверенно продолжил. – Я вам лично обязан и уверяю, что над вашим любимым работает лучший хирург, которого сейчас возможно найти в больнице, один из профессиональнейших специалистов вообще в Санкт-Петербурге и России. – «Как-то уж слишком пафосно получилось», – подумал Василий Иванович, они подъезжали к палате, и чтобы закончить, он положил ей руку на плечо и добавил больше для собственной уверенности: – Всё будет хорошо, уверяю.

Аню бережно уложили на кровать, и она погрузилась в сладкую пелену то ли сна, то ли забвения.

Девушка открыла глаза, всё тело невыносимо болело, она повернула голову и удивилась, там сидели родители.

– Анечка, очнулась, золотце наше, – мама подбежала и, взяв дочь за руку, прижалась к ней лицом.

– Мама, – Аня расплылась в улыбке. – Есть новости из

операционной?

– Да, всё хорошо, ногу тебе зашили, всё хорошо, – мать погладила пораненную ногу дочери, но Анечка дёрнула ногой, ногу прошибла боль.

– Да не с ногой, Лёша как?

– Его прооперировали, – включился в разговор отец. – Сейчас он в реанимации, – Аня дёрнулась, вставая, папа прижал её к кровати. – Нормально всё, это в порядке вещей, что после операций в реанимацию кладут, жить будет и полноценно. Тебя когда сюда положили, над ним вся больница трудилась, пылинки сдували. Чем ты их так удивила? К нам двое подходили и спрашивали о твоих способностях, – Аня пожалала плечами.

В дверь постучали, протиснулась голова врача, родители встрепенулись и, показывая рукой на молодого человека, представали его как лечащего врача Ани, он кивнул. Родители вышли, тихо притворив дверь, а молодой врач встал рядом с койкой.

– Как себя чувствуете?

– Нормально, может, хоть вы сможете нормально объяснить, что с Алексеем, – Аня попробовала привстать, но это у неё не получилось, двигать мышцами было очень больно, а про то, чтобы напрячь, речи вообще не шло.

– С ним всё хорошо, сейчас он в реанимации, завтра его переведут в общую палату. Вы-то себя как чувствуете? Как нога?

– Болит. Когда его можно будет увидеть? – врач потупил глаза, не желая отвечать на вопрос Ани. – Я понимаю, что вы лечите меня, но я здорова, – врач что-то хотел возразить, но Аня усилением голоса дала понять, что не закончила. – Со мной всё в порядке, у меня просто болят мышцы и поцарапана нога, – врач опять попробовал подать голос, но Аня подняла руку, хоть ей это и стоило больших усилий, – поцарапана, по сравнению с тем, что было с Лёшей, мне гораздо важнее знать, что с ним, чем то, что вы хотите мне сказать.

– Операция была очень тяжёлой, были осложнения, пришлось восстанавливать несколько внутренних органов и малость подрезать кишечник, сейчас состояние стабильное, врачи трудились весь вечер и ночь. Подробнее?

– Да! – с вызовом ответила Аня и приподнялась на локтях, врач удивился такому движению и продолжал.

– Стоял вопрос об удалении селезёнки и части печени, но после того как в дело вмешалось... начальство... были найдены способы, позволявшие сохранить эти органы, останется порядка сорока шрамов, от незначительных до довольно крупных, также пришлось удалить несколько рёбер, но их заменили трансплантатами. Правое лёгкое, куда пришёлся удар, зашили без особых последствий. Довольна?

– Это все осложнения?

– Нет, – с недовольством ответил врач, – за всё время операции у него трижды останавливалось сердце, и главный хирург, несмотря на убедительную просьбу Василия Ивановича

ча, хотел прервать операцию в самых гуманных целях, но вмешался его аспирант Вадим Никифоров и, запустив сердце в четвёртый раз, собирался оперировать сам, чтобы не увольнять лучшего молодого хирурга больницы, операция перешла обратно в руки главного хирурга. Больше я ничего не знаю, я и так всю ночь бегал, как собачонка, всё это узнавал, – с раздражением закончил он.

– Простите меня, но мне действительно очень важно это знать, он дороже моего здоровья. Менее повреждённого.

– Да понимаю я всё, ведь ты меня тоже ночью узнала...

– В смысле? Да, лицо знакомое, но я сочла, что это из-за того, что мы раньше виделись, в смысле когда я бредила.

– Как сказать, с ходу назвать имя и рассказать самую большую мечту. Я был удивлён и благодарен за то, что напомнили мне, как стоит жить, а то я стал забывать.

– К сожалению, я не помню, что было ночью, всё как в тумане. Помню, привели сюда, Лёшу тогда только оперировали, положили на кровать. Потом поднимаю голову, а уже всё... Не могли бы вы мне рассказать, что я забыла, если я всё же бодрствовала...

Молодой врач поведал, и с удовольствием сам погружаясь в воспоминания, как его сонного привели к палате со словами «Главный сказал, тебе лечить, она ясновидящая, про всех всё знает, короче, тебе понравится». Он вошёл, Аня лежала на кровати в сознании и пыталась встать. Врач уложил её, осмотрел ногу и сказал, что нужно зашивать. Перевязав сно-

ва ногу, посадил её на каталку и вывез в коридор. На свету она его узнала, это был Кирилл. Он очень удивился, но потом счёл, что девушка прочитала бейджик. Когда он привёз её в комнату для перевязки, где и швы снимали, и иногда зашивали не особо важные и серьёзные раны, Аня, чуть пошатываясь, стала ему рассказывать, как они сидели в КПЗ, Кирилл слушал вполуха, но когда речь зашла о гитаре и как он пел, он стал узнавать себя, ведь он и вправду так иногда делал, последние годы редко, а вот раньше действительно вставал в переходе или на вокзале и пел. Все деньги он отдавал «соседям»: нищим и нуждающимся. Так как «отдыхал» он таким образом в одних и тех же местах, все его уже знали, и он знал, кому действительно деньги нужны, а кому прикоснуться к огненному змею: вторым от него доставалась самая мелкая монета. К концу рассказа он уже зашил ногу и хотел везти Аню обратно, но она стала с упоением рассказывать про автомобиль, здесь Кирилл решил присесть, про то, что молодой человек мечтал о такой машине, знали только друзья, но вот то, что он собирался с ней сделать, как модифицировать, об этом никто не знал и не мог знать. Аня всё рассказывала в мельчайших подробностях, услышав про песню, он встрепенулся, ведь несколько дней назад по порыву души он поставил её на звонок мобильного. Услышав историю о военном и котёнке, он повторил точно такую же реакцию, как и тогда, что вызвало робкий смех Ани. Она напомнила ему про гуны, и он стал вспоминать, как ещё в медучилище увле-

кался ведической культурой на примере индуизма, но спустя пусть и немного лет, но бурных и насыщенных он стал забывать и отходить от догм ведизма. После разговора с Аней он позвонил своей матери и попросил найти его Бхагавад-гиту. Уложив Аню обратно, она быстро заснула от обезболивающего и усталости, он прыгнул в свою старенькую «Ладу» и, примчавшись домой, расцеловал всех домочадцев, схватил книгу и уехал обратно. Ночью, перечитывая закладки, он ходил по коридору, и стоило только кому-то выйти из операционной с Алексеем, он педантично выпрашивал всё, что там происходит. Так и не сомкнув глаз, но прочитав больше половины излюбленных мест в Священном Писании, он ждал, пока проснётся Аня.

Девушка смотрела на Кирилла, и из глаз её текли крупные слёзы, он вытер их своим платком, она попробовала его обнять, но руки всё же были слишком тяжелы, а удержать тело на одном прессе она ещё не могла. Положив девушку на кровать, он скромно и быстро поцеловал её в щёчку, прошептал «Спасибо, что ты попала в моей судьбе» и вышел из палаты.

Эпилог

Стояла глубокая ночь, с тех событий, что были описаны, прошло три дня и две ночи. Мир перестал меняться, это была та самая реальность, в которой Аня родилась, выросла и встретила любимого, именно в этой реальности она заснула, а проснулась в другой. Вечером она узнала, что Алексея перевели в одиночную палату, в реанимацию её не пускали, говорили, что ни ему, ни ей нельзя нервничать.

Аня шла по коридору, опираясь на палочку, нога всё ещё болела и сильно. Гулкие шлепки босых ног громко раздавались в полупустом здании, Аня старалась идти как можно аккуратнее, но повреждённая нога постоянно прилипала к полу, и сгибать её в колене было мучительно больно, а нужно было ещё подняться на два этажа вверх, именно туда положили Алексея. Дойдя до лестницы, она схватилась за перила, палка звонко ударила о железную решётку, звук побежал по этажам, Аня замерла, эхо затихло, и звонкая тишина ударила по ушам. Пронесло. Девушка попробовала шагнуть на ступень, но боль свела ногу, она опустила ногу. Взяв палку в зубы, она настойчиво умоляла, чтобы она была как можно меньше, и ей подарили деревянную, что сейчас как никогда было кстати. Девушка взяла палку в зубы и, зажав, стала подниматься вверх, боль была необычайная, но, зажимая кусок дерева во рту, было легче. Так, миновав четыре пролёта, она

была на нужном этаже. Вытащив свою палочку изо рта, она с удивлением увидела, что на дереве остался чёткий след зубов, вошедших в дерево не меньше чем наполовину. Но это всё было неважно, она шагнула в дверь и прислушалась: что-то двигалось в коридоре, поскрипывая и приближаясь к двери. Аня испугалась и спряталась за дверь, звук приближался, ей становилось страшно и любопытно, тот внутренний голос, который она обещала слушаться, подсказывал, что бояться нечего и нужно идти. Она решила вначале посмотреть в окошко на двери, если мельком и в полумраке, то, может, и не заметят. Она проскользила по стене до двери и мельком заглянула в окошко, пусто, темнота и ничего больше. Внутренний голос говорил заходить, она медленно отворила дверь и проникла внутрь. Тишина. Девушка стала пробираться, чуть режа угол к той стороне, где была палата любимого. Выглянув из-за угла, она увидела силуэт человека с капельницей, человек опирался на неё и, прокатывая чуть вперёд, делал шаг, потом отдышал и снова чуть прокатывал капельницу вперёд. Тусклые лампы скрывали лицо, а длинная полуфутболка, больше похожая на платье, скрывала фигуру. Человек сделал ещё шаг, и лампа осветила его волосы и руку. Аня рванулась с места, позабыв о ноге и палочке, перехватив её посередине. Подбежав, она обняла человека, идущего по коридору ночью и опирающегося на капельницу. Это был Лёшка, он поднял измученное лицо на свет и увидел Аню.

– Ты что, с ума сошёл? Тебя только вечеров выписали из

реанимации, куда ты попёрся? – сквозь слёзы вполголоса ругалась Аня.

– К тебе, ты же ко мне бежала вон как... – он показал свободной рукой на ногу Ани, повязка стала кровоточить.

– Там же четыре пролёта, как бы ты спустился? Ты на ногах еле стоишь, давай живо садись, – Аня повела его к ближайшей скамейке.

– Да придумал бы что-то, ты же поднялась, спускаться легче, а обратно мне и не надо, мне бы с тобой увидеться, а дальше будь что будет, – он сел, и было видно, что сидеть ему гораздо легче, чем стоять.

– Твоя палата далеко? Тебе нужно лечь, – голосом, не предполагающим возражений, спросила она.

– В том конце, одиночка. Как всё успокоилось, я к тебе и пошёл. Поначалу тяжело было, а потом легче, – он улыбнулся и прижал к себе Аню. – Мне же ничего другого и не надо, вот волосы твои понюхать, прижать тебя, поцеловать, вот и всё моё счастье, – Аня тоже его обняла, вжавшись в грудь любимого. Незажившие шрамы давали о себе знать, переломанные и искусственные рёбра тем паче, Лёша сжал зубы и медленно стал втягивать воздух, но так же нежно обнимал любимую.

Аня почувствовала это и убрала голову, встала и, взяв капельницу чуть ниже руки суженого, повела его обратно в палату. Опираясь на Анину палочку и капельницу, он шёл относительно быстро, главное – без остановок на отдых. Придя

в палату, Аня бережно помогла любимому лечь и сама легла рядом, он обнял её, как мог, она прижалась к нему. Так они и лежали, тихо переговариваясь. Аня рассказала ему всё, что с ней приключилось, он слушал и спрашивал, особенно его заинтересовал момент с тренером, и несколько уточняющих вопросов он задал на моменте, где Аня рассказывала их совместное будущее.

– Трое детей, говоришь? – Алексей усмехнулся и чуть сильнее прижал Аню.

– И не надейся, максимум один, – улыбаясь, ответила она, а он её поцеловал. – Ну ладно, может быть, двое, точно максимум, но на троих я не согласна.

Он ещё раз поцеловал её и попросил продолжать, она не возражала. В конце, когда речь уже дошла до больницы, Аня сама удивлялась, что все люди, которые ей помогли, появились и здесь всё разом. Лёша ответил своё традиционное «Бывает» и взял обещание, что Аня извинится перед охранником. Аня успокоила его, рассказав, что сегодня же, как набралась сил, спускалась и извинилась перед ними обоими на всякий случай. Как ни удивительно, это оказались полицейские с вокзала – Александр и Егор Борисович, они, конечно же, её не помнили, но после извинений она рассказала, как выглядит КПЗ, и оказалось, они оба работали на вокзале, на одном и том же, но в разное время. Тогда Алексей взял клятву, что Аня не станет бить его, а она взяла у него ответную, что он больше никогда не станет попадать под машину,

он, смеясь сквозь боль, согласился. Так они и лежали, обнявшись, и слушали даже не тишину, приятнее, дыхание друг друга и ощущали тепло тела любимого. Когда в окне стало светать и Алексей задремал, Аня аккуратно встала и, поцеловав любимого в губы, пошла на выход, её могли хватиться, а за такую выходку все привилегии могли и исчезнуть, а она опасалась, что если пропадёт такой чудный блат, то и любимого могут переселить в общую палату, а ему в одноместной лучше будет. Выйдя в коридор и старясь не опираться на палочку, она как можно быстрее пошла по коридору. Какая-то тень проскочила мимо неё и материализовалась в силуэт, силуэт делал что-то странное, казалось, что кто-то сгорбился и моет пол, Аня подходила ближе, и даже если это уборщица, можно будет проскочить мимо, утренний обход пропускать страшнее.

– Внучка, присядь, солнце подождёт, – раздался старческий голос, когда Аня проходила мимо, девушка села. Силуэт распрямился, и вправду, в руках была тряпка, грязная, половая, и ведро, пожилая женщина отжала тряпку в ведро и присела рядом, вытирая руки об вытянувшиеся старые спортивные штаны, которые больше подошли бы мужчине, чем пожилой женщине.

– Бабушка? – удивлённо спросила Аня.

– Ну не дедушка так точно, – старушка усмехнулась. – Ты хотела перемен, я тебе их дала, но ты предпочла вернуться, разве это правильно? – Аня поняла, что перед ней винов-

ница всего этого, что с ней произошло, и попробовала возразить, старушка остановила её жестом, – убежала от меня, разве плохая квартира? Я её так долго обставляла, – старушка примолкла, вспоминая убранства. – Хотя я знала, что ты побежишь, ты слишком сильно его любишь, чтобы не побежать, и он тебя любит, мы обе это знаем.

– Но зачем всё это было нужно? – Аня всё-таки вставила несколько слов.

– Зачем? Почему? Вот всегда так, делаешь людям то, что они хотели, а они недовольны. Ты хотела перемен, пожалуйста, нате. А потом я ещё и виновата, – старушка сделала вид, что обиделась, Аня хотела что-то сказать, но пока искала слова, собеседница продолжила. – Перемены всегда тяжелы, а вы, люди, никогда не знаете чего хотите, всему вас учить нужно, всегда. Когда же вы мудрости наберётесь.

Аня была в шоке. «Вот это надменное вы относительно людей, если она, Аня, человек, тогда с кем же она разговаривает?» – промелькнула у девушки в голове.

– А я не человек, – ответила старушка на мысли Аня, чем только больше напугала её. – Ну чего ты боишься? Я же тебя не убила, не покалечила... А ногу ты сама порезала, кто тебя просил так нестись, даже я не ожидала такой прыти. Ладно, иди уже. Обещаю, ничего такого с тобой больше не случиться, пока что точно, – старушка усмехнулась. – Иди уже, всё у вас будет хорошо.

Аня встала и, почти не чувствуя раны в ноге, не используя

палочку, пошла по коридору, остановилась и, оглянувшись, кинула взгляд на старушку.

– Трое, трое будет, он тебя уломает, – рассмеявшись, добавила старушка и растаяла во мраке.